

СНОВИДЕНИЯ ПИВНОГО ПЬЯНИЦЫ

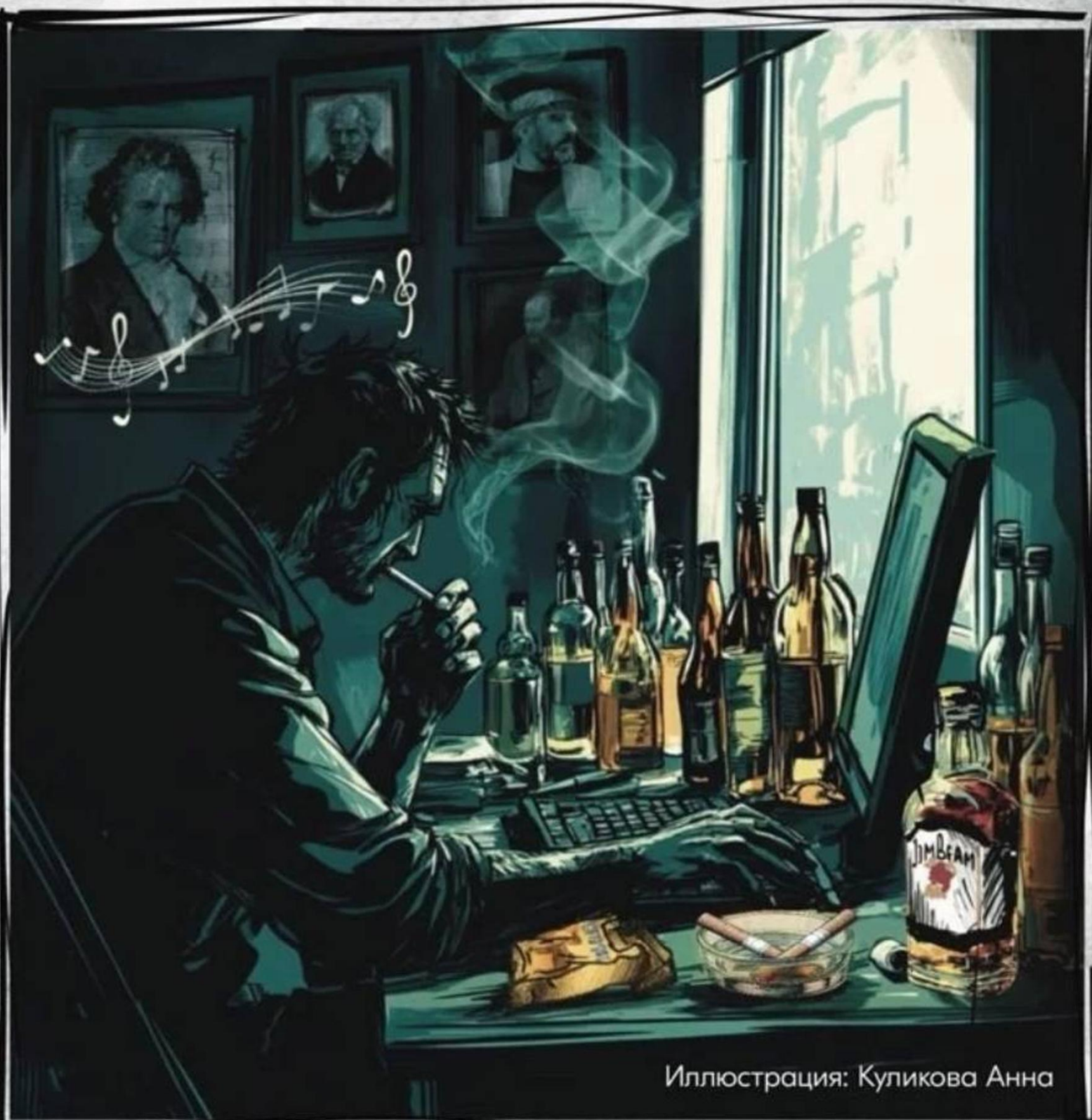

Иллюстрация: Куликова Анна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Денис Зорин

18+

Денис Городнов

Сновидения пивного пьяницы

«Автор»

2023

Городнов Д.

Сновидения пивного пьяницы / Д. Городнов — «Автор», 2023

Перед вами – несколько историй одного джентльмена, хаотично разбросанных по страницам. Здесь нет хронологии, нет претензии на мораль, нет «высокой художественной цели». События, о которых идёт речь, происходили преимущественно в городе Ростов – на – Дону, 15-20 лет назад. Или не происходили вовсе. Кто теперь скажет наверняка?.. Что – то я мог упустить, где – то переиначил на свой лад – человеческая память механизм несовершенный. Какие – то детали я заменил сознательно, другие – передал буквально, сделал это злонамеренно. Читая эти рассказы, вам придётся либо верить в них без оглядки, либо подвергать сомнению каждое слово. Отделить в них зёрна от плевел получится едва ли. Посему – наслаждайтесь. В них вы найдёте что – то своё.

© Городнов Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Попытка номер ноль	6
Портрет Хемингуэя	8
Обучение	11
Больничный	13
Фокус	15
Другая работа	19
Покойники за пивом	20
АЗС	23
Скачки	27
Кое-что о гриппе	30
Мудёжка с квартирами	32
Сцены невыдуманных спектаклей	36
Эпизод 1. Предпраздничные увертюры	36
Эпизод 2. Примерно в это же время, примерно в этом же месте	38
Эпизод 3. «О спорт! Ты – мир!»	40
Атлантида, дурные сны и соседство со скотами	41
Нормальное безумие обречённого	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Денис Городнов

Сновидения пивного пьяницы

Перед вами – несколько историй одного джентльмена, хаотично разбросанных по страницам. Здесь нет хронологии, нет претензии на мораль, нет «высокой художественной цели». События, о которых идёт речь, происходили преимущественно в городе Ростове-на-Дону, 15–20 лет назад. Или же не происходили вовсе. Кто теперь скажет наверняка?..

Что-то я мог упустить, где-то переиначил на свой лад: человеческая память – механизм несовершенный. Какие-то детали я заменил сознательно, другие – передал буквально, сделал это злонамеренно. Читая эти рассказы, вам придётся либо верить в них без оглядки, либо подвергать сомнению каждое слово. Отделить в них зёрна от плевел получится едва ли. Посему – наслаждайтесь. В них вы найдёте что-то своё.

P. S. Эту книгу я посвящаю своей жене – Оксане. Без её высоковольтного, бравурного нрава и веры в меня, ничего бы и не получилось. Она живёт и моими мечтами тоже. Мудрецы прозвали это состояние – любовью...

Попытка номер ноль

Я сидел в удобном вращающемся стуле и ждал. Моё собеседование было прервано. Я пришёл раньше назначенного срока, и девушка сказала мне примерно так:

– Хорошо, давайте начнём. Человек опаздывает. Но как только он придёт, я переключусь на него, а потом вернусь к вам.

– Хорошо, – говорю, – так и поступим.

И вот сижу, вращаюсь. Копаюсь в телефонной книге. Удаляю какие-то номера с непонятными наименованиями: «Лида», «Лёша зав.кран.», «грузчик», «мебель».

А тут неплохо, думаю, выглядит всё вполне солидно.

Мне кто-то позвонил, и я ответил:

– Я на собеседовании.

Затем девушка вернулась, держа в руках мою анкету.

– Давайте продолжим.

– Конечно.

Она читала анкету и мурлыкала: «Угм-м-му... М-м-м...»

Сижу, думаю: нужно бы завести кошку. Или двух кошек.

– Ваши положительные качества, – говорит она, – вы тут...

– Что? – встрепнулся я.

– Вы указали только одно. Вот здесь...

– Ну да.

– Нужно больше. Окончательное решение принимаю не я, люди, которые будут читать вашу анкету...

Девушка была симпатичная, с добрым лицом, красиво подведёнными глазами. Пока она говорила, я смотрел, как покачивается её чёлка.

– Люди, которые будут читать вашу анкету, могут подумать...

Я сразу представил себе целый консилиум. Человек 15. Один, во главе стола который, говорит:

– Передайте-ка мне его анкету. Сейчас посмотрим...

Ему передают, он небрежно пробегает глазами:

– Эй! Да у этого парня всего одно положительное качество!

– Что?..

– Да как это возможно?! – раздавались бы голоса.

– Не-е-ет, так дела не делаются...

– Это пассажир ненадёжный!

– Да, действительно, одно – тут так указано. Натё-ка, полюбуйте!

И он пускает по кругу мою анкету, люди передают её со словами:

– Этого не может быть! Поразительно...

Девушка говорит:

– Давайте с вами сейчас дополним немного! Что вы ещё хорошего можете рассказать о себе?

Я напрягся. Вспомнил кошек.

– Животных люблю, – говорю, – собак. Собираюсь завести двух кошек.

– Во-о-от, – она стала писать в моей анкете и проговаривала: – Ко-оше-ек. Угму, ещё?

– Я не знаю. Правда.

– Ну как не знаете! Ну как же не знаете?

– Да ерунда всё это! Честно, ну кому это надо?

– Люди, которые...

Я вспомнил консилиум.

– Напишите там, что я честный, добрый, порядочный и отзывчивый человек. Упиваюсь пьесами Чехова и музыкой Паганини. И ещё вином. Нет, этого не пишите, – засмеялся я.

Она тоже улыбнулась.

– Ну вот! Можете же, когда хотите! Как относитесь к алкоголю?

Я всегда хочу, когда могу! Или как там она сказала?

– Абсолютно индифферентно, – сдохмил я.

Она мучила меня ещё минут 20, а затем я ушёл.

В автобусе было очень душно. Вообще, летом в Ростове просто невыносимо. Как по поверхности солнца ходить. Яичницу можно на асфальте жарить. Проверено. Мне досталась солнечная сторона, я ехал на чёрном раскалённом сидении, обливался потом. Люки были открыты, но из них дул горячий воздух, словно из духовки.

Я зашёл домой, швырнул ключи на небольшой столик, достал из холодильника бутылку пива. Стал рассматривать содержимое этого самого столика: два рулона туалетной бумаги, механический будильник, листы формата А4, старые газеты, две давнишние, размеченные программки скаковых испытаний, какие-то книги. На одной из книг я прочитал «Артур Шопенгауэр». Ну и ну! На этом я и закончил. Тут запёрся мой сосед по съёмному жилищу (он квартировал в комнате напротив) и предложил мне выпить с ним портвейна. Я решительно протестовал. Удивительный он парень. Живёт в ритме портвейн – сон – портвейн. Когда он умудряется работать? Иногда мне кажется, что окружающие живут в какой-то сказке, в сказке, где нет места только мне. Это только у меня болят зубы, выматывает работа, раздражают очереди, мучает похмелье. Все остальные довольны, они смеются и улыбаются, шутят и веселятся. Как говорил герой Александра Абдулова в фильме «Жёлтый карлик»: «Мысли о смерти всё чаще и чаще посещают меня...»

Портрет Хемингуэя

Через пару деньков позвонил Тёма. Мы с ним о чём-то немного посмеялись, а затем условились, что можно будет встретиться (на его сленге – пересечься) в центре, ближе к вечеру. Меня не так-то просто выкорчевать из моей хибары. В кинотеатры я не хожу, по городу не гуляю. Пить предпочитаю в одиночестве. Достаточной характеристикой может являться уже тот факт, что я за 10 лет жизни в Ростове ни разу не был в так называемом «ночном клубе».

Но с Тёмой мы давненько уже не виделись, а ведь это мой единственный друг. Мы вспомнили, когда он звонил, как однажды, на третьем курсе института, портрет Хемингуэя спас нас от отчисления. Это было примерно начало сентября. На доске объявлений или какой-то подобной хрени, что висела сразу напротив нашего деканата, каждый сентябрь, то есть после летней сессии, вывешивали альбомный листок, где были отпечатаны фамилии студентов, номинированных на отчисление. Разумеется, мы там. Завсегдатаи. И вот мы отправились ликвидировать одну из четырёх, пяти или шести задолженностей. Учились мы на бюджетном отделении, потому возиться с нами особо никто не хотел. Отправились куда-то на западный, куда-то далеко. Насилу отыскали нужное нам здание, пропустили по паре пива с анчоусами и предстали перед экзаменатором. Старушка, возраст – преклонный, лет 65–70. Предмет – не помню даже его названия. Не уверен, что я именно «не помню», может, и не знал, даже тогда. Что-то связанное с анатомией, биомеханикой, что-то запутанное и непонятное. И вот стала она задавать свои вопросы, отвечать надлежало в режиме реального времени. Я – ни в зуб ногой. Барахтаюсь в океане. Артём что-то мямлил. Даже не мямлил, ублюдок даже что-то отвечал.

– Эй, ты откуда знаешь всё это?

– Да так, на лекциях что слышал, то запомнил немного.

– На каких, на хуй, лекциях? Мы на них не ходили!

– Не знаю тогда, отъебись!

Но, как выяснилось, это была только разминка. Когда бабуля перешла к серьёзным вопросам, нам оставалось только сидеть и переглядываться. Затем она стала подводить всё к тому, что сейчас мы, мол, в пролёте, что нужно будет приезжать сюда ещё раз, когда подучим материал. Нас такой вариант не устраивал, сроки установили в деканате, сроки, нас поджимавшие, давившие на нас. И тут я углядел, что за её спиной, над чьим-то рабочим местом висит портрет Хемингуэя. Нужно было нарушить молчание, разбавить эту неловкую паузу, она играла против нас.

– О, да это же Хемингуэй, верно?

– Что? Где?

– Да вон на стене портрет, сзади.

Бабка повернулась и посмотрела:

– О-о-о, да вы ЗНАЕТЕ! Это место одного нашего профессора... Бывшего, он уже умер! – она просто ликовала.

– Как и Хемингуэй, – заметил я.

– Ну да.

Такой реакции я не ожидал.

– У нас тут два мальчика было, – говорила она, – так они спрашивали, что это за мужик. Я сказала, что не поставлю им, пока они не скажут мне, кто это. Так они его на телефон сфотографировали и ушли, а вы ЗНАЕТЕ!

– Ну конечно. Мы – спившаяся интеллигенция. Позор института.

– Ха-ха-ха-ха.

Бабушка раскраснелась, она была очень довольна нами. Поставила нам зачёт. Мы ушли.

– На лекциях он запоминал, – бросил с пренебрежением я, – цирк!

– Ой, да иди на хуй...

Сегодня вечером мы встречаемся в центре. Я ничего не могу рассказать о центре. Я анахорет, затворник.

– Встречаемся на консерве, – сказал Артём.

– На какой ещё консерве?!

– На консерватории.

– Где?

– Блядь, ну ты не знаешь где?

– Нет.

– Да ты заебал! Ну как сказать? Садись на девяносто второй.

– Ну.

– Там, где ты был, классику свою слушал. Там фонтан ещё!

– А-а-а-а, всё я понял. Там фонтан и лавочки.

– Ну, блядь, слава богу!

Ну так вот, принял я ванну, воспользовался спреем, оделся и выдвинулся в центр. Обещания, которые я легко раздаю по пьяни, я со скрипом выполняю потом. Сколько раз я брал у девушки телефон, цитировал Гомера, обещал позвонить на следующий день, а потом вставал – похмельный, больной и злой. Ни о каких звонках речи и не шло. И вот я опять встрял. Я злюсь на себя, загружаюсь в маршрутку и еду стоя. Смотрю на какого-то китайца. Ублюдок едет сидя и слушает свой плеер. Запихнуть бы ему этот плеер в его жёлтую пасть! Думаю: главное – побыстрее напиться, побыстрее! Станет получше. Всё покроется лёгкой дымкой, немного расплывётся, мешки с песком отправятся за борт, полёт станет легче.

Буду краток: мы пьём на этой ёбаной консерве, затем перемещаемся на «яйца», Тёма меня с кем-то знакомит. Я уже и не помню. Марина, Лена, Лёха... Затем я расслабляюсь в цветах. То есть валяюсь в центре города в цветочных насаждениях. Пьяный. На этих «яйцах» одни неформалы. Волосатые и в кедах, на скейтах, эмо, короче, вся эта ебала. Я блюю в клумбу, затем обтираю рот рукавом. Смотрю: а Тёма-то лечит какую-то бабу. Подваливаю, они говорят о каких-то майках. Затем они дёргают меня на Пушкинскую. Я готов: я хочу ебаться, и побольше, драться и декламировать стихи Асадова.

Утром я плох. Я чувствую себя грязным. Постельное бельё пахнет свежестью, и это немного расслабляет. Туннельным эхом в голове звучат вчерашние крики. У меня клаустрофобия, мне плохо. Я боюсь сходить в туалет. Я потею. Рядом на стуле, заваленном моими шмотками, дребезжит телефон. Сначала я пугаюсь, затем жду секунд восемь и беру трубку.

– А? Да?

– Это компания «Шведский диалог», мы рассмотрели вашу кандидатуру. Вы готовы выйти на обучение?

– На обучение? – не в силах ничего сообразить с такого похмелья, я постоянно переспрашивал услышанное, будто бы надеялся, что всё это мне снится.

– Вы приняты. Обучение с понедельника. С десяти и до восемнадцати. Мы вас ждём.

Я судорожно ищу календарь в своей старенькой Nokia. Воскресенье, обучение – в понедельник. Ублюдки, хоть бы за два дня позвонили.

Они говорят – «вы». Уже хорошо. Ладно, у меня есть ещё целое воскресенье, а там посмотрим, что за каша.

Уже днём я посасывал пиво, сидя в кресле, и слушал рассказ одного парня. Он говорил:

– Прикинь, Стас debil! Аптеку пытался ограбить! Зашёл в восемь утра с...

– Какой кретин будет грабить аптеку в восемь утра? – перебил я его. – Что он рассчитывал унести оттуда? Тюбик противовоспалительной мази или леденцы от кашля за двенадцать пятьдесят?

– Да не знаю я! Слушай: зашёл он туда, напаялил на голову колготки и...

- Откуда у этого идиота колготки?
- Да блядь, не знаю я! Купил! Ты можешь дослушать?
- Да, конечно. Извини. Продолжай.
- Так вот, – продолжал он, а я пока закурил, – так вот, напялил колготки, достал пугач свой...
- У него есть пугач?
- Да заебал ты, слушай, бля!
- Ах, да, извини.
- Так вот, достал пугач, и стреляет вверх, и орёт: «ДЕНЬГИ ВСЕ, СУКА, ЖИВО!»
- Он, что, стрелял из этой шутки в помещении? Он совсем спятил?
- А продавщица бабка прожжённая оказалась: смотрит на него, на его ствол, шум есть, огонь есть, а пули нет. Потолок как был, так и остался нетронутым.
- Он же из пугача стрелял.
- Да. И она говорит ему, ты, мол, уёбок, беги отсюда, пока не поздно, я нажала тревожную кнопку.
- В аптеках есть тревожные кнопки?
- Да не знаю я! Какая разница? Она блефовала!
- Ум-м-м...
- Вот. Ну он выскочил и убежал.
- Как есть – дебил.

Затем я вышел на улицу и поймал себя на мысли, что не помню, как именно я оказался там, в гостях. Что ещё за провалы в памяти? Ладно, нужно домой валить: завтра обучение. Скольжу по солнечному свету в направлении загаженной остановки, настроение неплохое – так, ни то ни сё. Какой-то бомж стреляет у меня сигаретку. Ладно, у меня есть. Думаю, нужно бы и самому закурить. Закуриваю. Вижу, как плачет молодая девушка. Рыжая, с отменной фигурой, она облокотилась на угол дома и рыдает навзрыд. Я представил, как она будет выглядеть у меня в постели, после душа. Ну и сволочь же я. Нужно быть более внимательным к людям. Я подошёл к ней.

- Девушка, с вами всё в порядке?..
- Она продолжала реветь.
- Эй, – схватил я её за локоть.
- Да пошёл ты! – взвизгнула она и побежала прочь.

Я стоял и смотрел, как она удаляется. Её тоненькие кривые ножки звонко отстукивали каблучками по тротуару. Скоро она пропала из вида. Была поглощена огромной, шумной массой города. Его проспектами и трамвайными путями. Его светофорами и точками студенческого общепита. Его бесцеремонной грациозностью и провинциальной инфантильностью...

М-да, м-да, подумалось мне, таков уж наш мир, так уж он устроен, тут ничего не попишешь. Ни черта не понятно.

Обучение

Видели эту рекламу, где бандиты находят средство для потенции и тут же говорят: «Здесь был этот русский!»? Нужно же ебанутым быть, чтобы такое придумать, а ведь этим людям ещё и деньги платят. Затем то же средство: импотент, который без таблеточек себе даже болт надорочить не сможет, говорит вам с экрана: «Делай как я!» Ну и убожество! И это на центральных каналах нашего ТВ. Миром правят безумцы. Ну вот что, я придумал им ещё один рекламный ролик, работаю бесплатно. Смотрите: комната, горят свечи, навевая романтичный полумрак. Горит камин. Лежит очень красивая женщина, жгучая брюнетка, с острым взглядом, прямыми волосами до плеч, и закусывает пухлую губку. Мимо проходит импотент, бросает на неё грустный взгляд. Она раздвигает ноги (вид со спины, пикантных подробностей не видно) и говорит что-то вроде:

– Ну же, давай, ковбой! Возьми меня! Возьми и сделай всё как надо!

А он суёт руку в карман, достаёт своё средство, открывает пачку, а там – пусто.

Он выбрасывает пустую картонку и говорит, обращаясь уже к зрителю: «Никогда не делай как я», – разворачивается и уходит. Вот реклама будет!

К обучению я приступил неохотно. Мне хорошо помнится первый день. Я тогда насупился и всех рассматривал. Четыре парня: трое дебилы как на подбор и один ненормальный с длинными волосами. Четверо девушек: одна базарная хабалка, ей было глубоко за 30. Одна мышь: серая, невзрачная, страшная. Постоянно с пудреницей в руках. Будто это волшебная палочка. У третьей было лицо всё в кратерах. Наверное, это болезнь какая-то, типа оспы. Мне вообще похер. Четвёртую я не помню. Все тут же стали дружить. Парни сбились в кучку. Девки тоже. Я держался самостоятельно и сурово. Вы знаете, как это бывает: женщины крутятся возле своих зеркал, пудрениц и тараторят, как обезумевшие сороки. И если вы ещё недостаточно искушённый человек, то можете поначалу даже вслушиваться, но затем становится очевидным, что нужно раздобыть себе один комплект затычек для ушей. Парни формируют ту кучку, что постоянно балаганит. Вставляет острые фразочки, каламбурит. Сколько уже раз я видел всё это дерьмо? В школе, в институте, в жизни? Неужели всё сначала? Нет, точно – ничего не изменилось и теперь. Преподавать нам выделили очень заносчивую армянку. Очень некрасивую армянку. Глядя на неё, было неясно, откуда столько гонора, а когда она говорила, тут же вспоминалось и о комплекте затычек. Мне всё это виделось чистейшим бредом. То, что мы делали за восемь часов, я мог легко уложить в три. Мы играли в игры для умственно отсталых, находящихся в реабилитационном периоде. Вроде такого: садимся в кружок, как дауны. Один разъебай становится в центр кружка и говорит что-то вроде: «Встаньте те, у кого... есть вещь фирмы „Адидас“». Подскакивают два или три человека, и в этой суматохе тот, что был в центре, должен успеть сесть на освободившееся место. Кто-то по-любому оставался в центре. Квота на посадочные места была строго ограничена армянкой, и потому один всегда оставался в центре. И тогда уже он говорил: «Встаньте те...» Они нарочно калечили нам рассунок. Затем они давали мне кипы и кипы бумаги, чтобы я читал это дерьмо дома. Не помню, что с ними случилось. По-моему, я на них обедал. Стелил на табуретку и ел. Каждый день я ездил туда утром на 92-м маршруте. Постоянно забитом. Интересно, в Ростове кто-нибудь видел свободную 92-ю маршрутку? У меня возникло чувство, что их на заводе собирают полными под завязку. Нет, стойте! Однажды я сам ехал в пустой. Нонсенс. Были жуткие пробки, и от «Горизонта» до Ворошиловского моста я добирался часа полтора или два. В салоне были я да водитель. Он даже разрешил мне закурить...

Условия для работы были весьма неплохие. Этого не отнять. Работали кондиционеры, повсюду стояли аппараты с холодной и горячей водой. Это серьёзное подспорье к борьбе с

утренним похмельем. Была даже кухонная комната. Там холодильники и столы. Обед я покупал скромный. Чёрный хлеб, майонез и пара сосисок. Мой майонез постоянно кто-то съедал...

Затем мне это надоело. Сосиски приходилось прятать, хлеб тоже. Когда в очередной раз мою еду упёрли, причём в полном объёме упёрли, мне всё это осточертело. Я открыл холодильник и стал собирать себе обед. Кетчуп, блинчики с мясом. Солёные огурчики. Апельсиновый сок.

– Всё нужно в пакеты завязывать, чтобы уцелело, – сообщила мне какая-то барышня.

– Я уже завязал, – ответил я.

Однажды я увидел там плакат, он гласил: «Ты работаешь в иностранной компании!» Ну и уродство. Тут подошла Галя. Прирождённая базарная баба. Говорит быстро и без умолку, громко смеётся. Тактом предпочитает пренебрегать.

– Ты работаешь в иностранной компании! – заорала она и хлопнула меня по плечу. Я аж вздрогнул. Мне бы её энергию. От неё батарейки заряжать можно. Интересно, как она трахается?

Затем подошла её подруга – Люся. Та, что на мышь похожа. Они отвалили. Я-то что здесь делаю?

Я обучался три недели вместо двух, субботы включительно. И вот меня взяли на испытательный срок – в штат зачисляли примерно через месяц стажировки. Кого-то брали раньше, кто-то задерживался. В общем, смотрели на успеваемость.

Больничный

Мы с Витьком судорожно соображали, на что бы нам выпить. Денег не было, а вот выпить чертовски хотелось. Около 12 часов пополудни мы зашагали к какому-то сараю. Как утверждал Витёк, там есть металл. Я на это не особенно надеялся, потому как Витёк был запойный и вполне мог страдать белой горячкой, но делать было нефиг, и я пошёл. Сарай располагался во дворе, да располагался так неудобно, что на нас глазело сразу три дома окнами наружу, рядом была дорога, а в 300 метрах было расположено отделение полиции.

– Ты нашёл, блядь, место, – говорю.

– А ты найди лучше! – обиделся Виктор.

– Ладно. Давай.

В сарае была большая дырень с самого боку. Мы подошли и аккуратно заглянули внутрь. Я углядел раму от мотоцикла, два железных колеса. Витёк – какую-то высокую железную колонну и небольшой морской якорь.

– Нормально, – сказал я.

– Нормально, – сказал он.

– Лезь, – говорю, – давай.

– Почему я-то?!

– Ты пластичнее.

Витёк залез и подавал мне всё это дерьмо, а я оглядывался на окна и главным образом на дорогу, что вела от участка. Если что, думаю, сообщу ему о нависшей угрозе – и только они меня и видели. Но всё прошло тихо. Мы отволокли всё это дело к пункту приёма лома, сдали, и у нас было аж 680 рублей. Затем, помню, мы успешно компрометировали себя в глазах всего района. Витёк где-то упал, и у него на лбу висели куски земли. Я же нассал на угол дома, прямо под табличкой «Служба судебных приставов». Таким образом мы хорошенько повеселились, и наш день не был потрачен зря.

Утром, конечно, глаза открывать страшно. Вставать с кровати – бессмысленно. Двигаться – тяжело. Пот течёт, но вытирать его ты не можешь, даже яйца почесать не можешь. Я лежал так, в скрюченном виде, и думал: господи, почему всё так глупо, почему всё так нескончаемо мерзко и глупо! Где все эти голубоглазые мечтатели? Тут мне поступило СМС от моего банка. Оно гласило, что мой счёт пополнен на 720 рублей. Потребовалось немало усилий, чтобы с такого бодунища разобраться вот в этом: "Vash schet popolnen na..." Тра-ля-ля, короче. На кого это, думаю, снизошло. Оказалось, это какая-то недоплата с предыдущей работы. Отлично, что же. Это придало мне сил, я встал с кровати, оделся и отправился на рынок, где был один супермаркет, в котором был установлен мой банкомат. Ткнулся в него карточкой – есть! Это уже в корне меняет дело! Я позвонил Тёме и рассказал ему о нечаянной своей удаче.

– Так, чё, может, подъедешь? Пивка дёрнем!

– Нет, не могу сегодня. У меня свои дела...

– Ну как знаешь. Я-то точно дёрну.

– Конечно, дёрни. Сам бог на твоей стороне сегодня.

– Да все боги на моей стороне, пока деньги есть... Посмотрим, куда они подеваются, когда я останусь на нулях!

Он рассмеялся, мы распрощались. А я тем временем испытывал *жажду*. Эту жажду нельзя было заглушить ни водой, ни энергетическими напитками. Уж и не знаю, что там испытывают торчки или кто бы то ни было, зато твёрдо знаю одно: если вам необходимо выпить, то вы не сможете нормально существовать, пока не сделаете этого. Есть вкусную еду, пить гранатовый сок, кататься на аттракционах, отвлекать себя просмотром кинофильмов – всё это дерьмо собачье, всё это не работает. Если у вас есть семья, жена и сын или дочь, то вы не

сможете отвлечься даже на них, на их нужды и эмоции. Максимум – на пару часов. Вы не сможете говорить по телефону, думать о чём-то, кроме выпивки. Будете злиться и искать причину своего ничтожества где-то на стороне. А жажда будет всё расти, расти и расти. Я был пятым в очереди, и работала только одна касса. Выше я увидел табличку: «Очередь? Не работает касса? Звоните менеджеру...» и номер. Ну и балаган у них тут. Я водрузил свою корзинку на кассу, девушка измерила её взглядом и спросила:

– А сегодня, что, футбол?

– Нет, – сказал я, – сегодня не футбол.

И она принялась перекладывать моё пиво и вино в пакет.

Дома, конечно же, я чувствовал себя великолепно. На этот короткий промежуток времени, пока мой холодильник забит выпивкой, я не зависел ни от кого и ни в ком не нуждался. Я устраивал себе волшебный вечер: закрывал свою дверь на ключ, чтобы не могли войти соседи по съёмному жилью, зашторивал окна, включал сборник немецкой классики – и ебись оно всё конём. Как в коконе. Отливал в пустую пятилитровую из-под воды, чтобы только не выходить из комнаты, чтобы свести шансы встретить чью-либо физиономию к нулю. Не очень комфортно, но, поверьте, оно того стоит. Некоторые люди предпочитают пить в весёлых и шумных компаниях. Я видел несколько таких. Поддаваться массовому безумию. Идиоты, которые не понимают толк в выпивке. Что вы делаете в компании? Лёте в себя что ни попадя, краснея, как чёртов варёный рак, и постоянно, непонятно зачем, смеётесь с глупых, пошлых и банальных шуток. Нет, пить нужно в одиночестве, с закрытыми глазами и желательно не включая света. Пропуская через себя каждый глоток и каждую каплю. Наслаждаясь этим моментом, ценя его. Часто ли выпадает случай побыть наедине с собой? Затягиваясь и выпуская к потухшей лампе целое облако молочного дыма, можно слушать неистовый хохот Бетховена.

Последнее, что я помню, это как мы с Валерой, сутки или двое суток спустя, в третьем часу ночи пытаемся купить водку в ночном магазине. Как это ему удалось выманить меня из моей берлоги? Наверняка у меня просто закончилось горючее, вот я и выполз. Ах да, Валера – это тот самый сосед. В магазине нам продают без проблем.

– А вдруг мы из полиции? – шучу я, намекая на известный закон.

– Да вижу я, из какой вы полиции!..

Когда мы вышли из магазина, я был слегка раздосадован. Почему это она так сразу продала нам водку, ведь её нельзя продавать после 23.00? Почему она ни на секунду не засомневалась в нас? Сколько дней я уже пью? Как же я выгляжу и на кого я сейчас похож? Нужно будет в зеркало посмотреться, когда домой приду. Уже неделю его избегаю.

Утром 45 минут я не мог встать, чтобы сходить в туалет. Я ощупывал голову на предмет вбитого в неё гвоздя, но ничего обнаружить там я не мог. У меня крутило живот, холодный пот я обтирал простынёй. Я знал, что в холодильнике есть минеральная вода, но и туда добраться я не мог. Пару дней я не ел. Я ослаб. Я ощупывал свои ноги руками. Четыре дня меня не было на работе. Плюс положенный выходной. Когда я всё-таки решился встать, то тут же упал – и меня вырвало на пол. После туалета я позвонил на работу и загробным голосом сообщил им, что у меня сильное пищевое отравление. Они были весьма лаконичны – справку из больницы. К 14.00 я собрался в больницу. Пришлось подойти к зеркалу, чтобы расчесаться. Доктору я сказал, что сильно отравился. Ел шаурму, затем рыбные консервы. Не знаю, в чём дело, мол. Назвал ему все характерные симптомы: тошнота, рвота, понос и температура. Описал ему всё в красках, и он стал писать. Долго. Затем наставил печатей и отдал мне. Уже за дверью я прочитал первые строки: «Острое пищевое отравление...» Сгодится, подумал я.

Фокус

Следующим утром я уже стоял на крыльце перед работой и курил. Конечно, я ещё толком не отошёл от того пятидневного запоя, но что я мог поделать? Зато я принял ванну, побрился и расчесался. И курил теперь у самого входа. Затем стали подходить мои коллеги, знакомые мне люди. Как же тяжело было опять начинать говорить с людьми, особенно трезвым. Почему все так любят говорить ни о чём и ни за чем? Ты где был? Ты чё делал? Ты видел этот новый фильм? Видел, новая маршрутка появилась? Знаешь, на «мерсе» четырёхкотловый двигатель?.. Затем они стали смотреть на телефоне какое-то популярное юмористическое шоу, тут уж мне совсем заглохло, и я вынужден был ретироваться. Ладно, смена – 10 часов. Полчаса на обед. Не могу поймать и ниточки смысла во всём этом. От этого только хуже. Работается проще, если понимаешь, что и зачем ты делаешь, и время быстрее идёт. В обед я вышел, чтобы покурить, и услышал разговор трёх моих коллег. Эти шефы наши устроили на работе очередной конкурс. Всем по внутренней электронной почте разослали условия его проведения, сроки. Оглавлен он был «Фокус». У меня уже с десятка непрочитанных писем с оглавлением «Фокус». Ко мне подошла девушка, наш старший оператор, и спросила:

- Ты «Фокус» читал? Почему не выполняешь условия?
- Какой ещё «Фокус»?
- Конкурс новый. По внутренней всем разослали! Почту читать надо!
- Фокус, фокус, блядь, фокус, фокус, фокус! Я чё, в цирке работаю, что ли? – вспыхнул я. Она засмеялась. Почему люди думают, что я шучу?

И теперь он был темой № 1. Я положил болт на него, сразу же. На него, на его условия и на приз. Эти же купились и теперь яростно обсуждали все детали и новости. Призом, по моему, была какая-то идиотская футболка с принтом...

Один говорил:

- Я никогда и никого не жалею. Никогда и никого. И никогда не сдаюсь. Я всегда первый!
- Да, тут нужно постараться. Но мы вас сделаем!
- Ага, уже! Мы первые! Майка моя!

Ну типа того...

На четвёртый день я чувствовал себя вполне приемлемо, даже мог без труда ездить на автобусе... Я решил подыскать себе другую работёнку. На той уже всё опостылело. Я знал, что на новой через месяц-другой всё будет то же самое. Не могу нигде подолгу сидеть. Начинает раздражать коллектив, характер работы и непосредственно необходимость вставать, идти, делать. Я продержался свои 10 часов, а на обратном пути заехал в один фирменный магазин спортивной одежды и заполнил там анкету. А утром, в выходной, отправился в какое-то десятиэтажное здание, где на девятом этаже арендовали несколько фирм. Там были, типа, офисы. Я миновал вестибюль, спросил у охранника, нет ли тут лестницы.

- Что? – уточнил он.
- Не хочу пользоваться лифтом. Хочу пешком. Я спортсмен. Есть лестница?
- Что?

Я ещё раз объяснил ему, что мне надо.

- На девятый этаж?
- На девятый этаж!
- Пешком?
- Пешком.

Он почесал затылок.

- Нет. Вон лифт. Вон там лифт, видишь?

Я поднялся на лифте. Просторная приёмная, в центре стол – и на нём множество незаполненных анкет. И много людей женского пола. За 40. Почему именно в этом месте такая большая концентрация этих существ? Я взглянул на анкеты, и первое, что увидел, – «Должность, на которую вы претендуете». Чёрт, что за шутки? Тут не менее пяти разных компаний, а анкеты под копирку? Откуда я знаю, на какую должность, когда даже неясно, к кому я обращаюсь? Я заполнил одну и опустил в урну. На обратном пути я заглянул в магазин бытовой техники и заполнил анкету там. Вакансия грузчик, и график 2/2. Нормально, подумал я. Домой вернулся в приподнятом настроении. Плюхнулся на кровать, заложил руки за голову и уставился в потолок. Тут начался внутренний диалог:

– Давай, выпей! – слышал я голос.

– Нет, – говорил я, – нужно подзавязать!

– Ты уже четыре дня не пьёшь! Куда уж больше!

– У меня нет денег. Мне завтра на работу, – спокойно отвечал я.

– У тебя не «нет денег», у тебя мало денег, а это разные вещи. На выпивку хватит. А работа и подавно никуда не денется. Тем более ты ищешь новую работу, туда ты, может, уже и не вернёшься!

– Может, и так. А денег всё-таки мало. И завтра всё-таки на работу!

– С кем ты говоришь? Кого ты уговариваешь? Всё равно ты не выдержишь!

– Я могу и не пить! Я сяду и напишу что-нибудь.

– Не напишешь.

– Напишу!

– Для этого тоже необходимо выпить, хоть немного.

– Немного не получится, не морочь мне голову!

– И совсем ничего – тоже не получится.

– Отстань.

– Я могу и уйти!

– И иди!

– А ты так и останешься тут лежать?

– Так и останусь.

Я пялился в потолок. Затем встал и пошёл в магазин. Не за хлебом, конечно.

А утром у меня на физиономии угнездилась парочка прыщей. Я вовсе не хотел брать их с собой на работу. Но они были ещё свежи, и как же больно они давились возле зеркала (пришлось к нему подойти) с самого утра. Я покончил с прыщами, прижёл их проодеколоненной ватой и посидел так минуты четыре. На лице остались два красных пятнышка. Так-то, будут знать.

Позвонили только из одного места, из фирменного спортивного магазина. И мне назначили встречу. Я приехал туда, меня встретила некрасивая девушка. Ей было не больше двадцати четырёх, и она уже – директор. Ух ты... Она задала мне несколько вопросов. Я отвечал. Затем мы поговорили про мой институт. Я вышел оттуда с тяжёлым осознанием того, что туда я больше не вернусь. А про институт мне вспомнился один забавный случай. Это был четвёртый курс. Это был экзамен, но название предмета, к сожалению, я опять не помню. Это не конспирация, я и правда не помню. В тот период я не слишком утруждал себя посещением пар. А тут сессия, и тут экзамен. Я был там с самого утра. Обменивался фразами с одноклассниками. Было решено так: те, кто сдают своими силами, идут первыми, а кто за деньги – то уже после. И вот начались часы томительного ожидания. Спустя час я не выдержал. Было уже 9.30.

– Пойду-ка я выпью бутылочку, – сообщил я Тёме.

– Ну пошли, выпьем, – сказал он.

Мы выпили, а затем вернулись. Повторили несколько раз. Затем Тёма отказался продолжить, а я отправился в магазин. Время было около часу дня, может, половины второго. Я был уже готов. И как это я мог проморгнуть момент, когда можно было просто замаскировать перегар и вполне сойти за трезвого. Но я перешёл эту зыбкую грань, эту чёртову черту, и опьянение начало пожирать меня, как огромная слизистая анаконда. Настойчиво и неотвратно. Я цеплял парты, у меня заплетался язык, это было ужасно. Мне предстояло сдавать экзамен в государственном университете. А я уже сигарету не той стороной в зубах держал. Я объявил там кому-то, что этот экзамен – так, не хуй делать, затем отпихнул кого-то и ринулся в аудиторию. Там сидела она. Я положил на стол руку, придвинул к ней, поднял ладонь. На столе лежали деньги. Она не торопилась.

– Ты почему на пары не ходил?

Я собрал волю в кулак и как смог выговорил:

– Я был в Самаре, видите ли, в Самаре был.

– В Самаре? Что ты там делал?

– Там футбольный клуб. «Крылья советов». Меня приглашали на просмотр, – мямлил я, – мог закрепиться в составе...

– Ну и как?

– Да вот не вышло, видите ли, не закрепился, назад приехал. Душевная травма. А тут такой экзамен...

– Ох-х-х, что же с вами делать-то, – и она подгребаёт денежки к себе и берёт мою зачётку.

Не увидеть, в каком я состоянии, не смог бы даже слепой. Я вот всё думал, почему она так поступила. Почему не вышвырнула меня на хуй и не сообщила в деканат? Уважение? Жалость? Равнодушие? Я не знаю, но история подлинная.

На работе мне было вынесено седьмое критическое замечание. При зачислении в штат после первого – лишение премии, после второго – увольнение. У меня было седьмое. Но я ещё не был штатным сотрудником, я был на испытательном сроке...

– Денис, – говорила мне девушка, – ты неплохо можешь работать, но ты недостаточно стараешься, мало вкладываешь сил, небрежен...

– У меня похмелье.

– Ну вот ты пойдёшь и ещё начальству расскажи о нём! Совсем сдурел? Я твой руководитель! Мелешь что попало...

Я шёл и слушал её. Затем я услышал Кирилла. Своим деревенским баском он успешно фразировал местных дамочек.

– Помилосердствуйте, сударь! – крикнул я ему.

Он увидел меня и поднял руку в знак приветствия.

Затем я плюхнулся на своё рабочее место, просмотрел почту. С кем-то поздоровался. Затем прослушал запись, где я допустил роковую ошибку. Ну и голос, подумал я, только за голос уволить можно. Раскрыл футбольный журнальчик и стал читать статью какого-то неумехи.

В штат зачисляли примерно через месяц стажировки. С переменным успехом я балансировал там четыре. Приходили новые стажёры, уходили, приходили ещё, а я оставался. Чередуя запои (больничные, «отравления») и прогулы, я держался там и подумывал бросить всё к ебени матери. И тут мне назначили экзамен. Экзамен был чем-то вроде душевной экзекуции. Не сдаёшь два раза – свободен. Вон мышь уже выгнали. Помню, как она уходила, покачивая бёдрами. У неё были славные сиськи, и она умела их показать. Я всегда мечтал кончить на эти сиськи. Но до этого дело так и не дошло. А ещё один малый, который был с отличным рейтингом, сдал его только со второй попытки.

– Хорошо, – отреагировал я, узнав, что на сегодня назначен экзамен, узнав об этом только с утра, на работе.

Ну что же. Я был с похмелья. Мысль сдать экзамен, попасть в штат меня не особо беспокоила. Мне было похуй. Я предстал перед ними с видом человека, который покупает коробок спичек. Они спрашивали, я – отвечал. Через часа два мне сообщили: «Ты сдал! ТЫ СДАЛ!» Оу, е! Клёво-то как! Я взял сумку и пошёл в магазин. Тогда была моя первая вечерняя/ночная смена (до двух ночи). Я купил выпить. Купил пластиковую 2,5 пива, сунул в сумку и вернулся на работу. И пил её, стараясь растянуть подольше, постоянно бегая в туалет. Домой меня привезли на такси. Я купил выпить ещё в ночном ларьке, чуть не подрался с гопниками, завалился домой. Я экзамен сдал! Такой страшный и тяжёлый!

На следующий день я уволился. Написал заявление, и всё.

Другая работа

Ну всё, подумал я, теперь-то я сполна смогу насладиться одиночеством. Знаете, встаёшь утром, выходишь на улицу – там люди, заходишь в магазин – там люди, закуливаешь на остановке – там люди, садишься в баре за стаканом пива – там тоже люди. Пытаешься ехать в автобусе или сидеть на лавочке – и там они. К вечеру уже просто нет сил. И вот, подумал я, теперь-то я точно отдохну, смогу побыть один. Буду смаковать своё одиночество. Через два дня ко мне заехала какая-то женщина. Я пил себе и пил и вот нашёл её утром рядом с собой в кровати. А также её вещи. Косметички и чемоданы. Она сносно готовила, но у неё была одна забава: к вечеру она качала с интернета два или три фильма. Какой-нибудь жуткой хуеты, типа «Перевозчик». Я должен был тоже посмотреть это, лёжа с ней в кровати, желательно в обнимку. Затем она толкала меня локтем в бок, очень сильно. И говорила: «Да не храни ты!» Я мешал ей смотреть фильм с лысым парнем в главной роли. Вот какой я плохой.

– Да выключай ты!

– Я ещё третью часть не досмотрела.

– А-а-а...

Затем, рано утром, она будила меня своим будильником. Чертовски рано – для меня. Ей нужно было на работу, но казалось, слышал его только я. И ещё: я понятия не имел, где там она работает и чем занимается. У неё была старая иномарка белого цвета, на которой она разъезжала по всему Ростову. Иногда, возвращаясь, она совала мне 500 рублей и говорила:

– Иди, что ли, курицу гриль возьми да соуса какого...

Ну и шлюха, думал я, принимает меня за мальчишку?.. Но тогда я не работал, и потому выносить мусор и ходить в магазин было моими легитимными обязанностями.

Утром я тёрся на рынке, на «Динамо», там, где старые книги продаются. Пока ещё не работаю. Книгами торгует бородатый приземистый мужик – Яша. Очень энергичный и пред-приимчивый. Чернющая выющая борода, одет как бичара. Стоит, мудила, и доказывает мне, что подержанная, потрёпанная книжонка 300 рублей стоит. Ну ладно, в кармане голяк, и я пошёл посмотреть на каток. Ветер дует, холодно, холодно и мерзко. Только на каток смотреть и остаётся, чтобы совсем не свихнуться.

– Никогда не умела на коньках кататься! – сказала какая-то девушка рядом.

– Да, я тоже, – ответил я.

Затем кинул окурок на лёд, засунул руки в карманы и пошагал к остановке.

Когда я пришёл домой, она ещё не приехала с работы. Я разгрузил выпивку и принялся за дело. Сидел так часа два или три, когда в окно увидел, как, господь спаси меня, она паркуется. Затем она процокала каблучками под нашим окном, поднялась, открыла дверь. Зашла, оставила сумочку в коридоре и села рядом со мной.

– Налей мне, – сказала она.

Я налил. Она встала, поднесла свой стакан к раковине и вылила.

– Ну и? – спросил я.

– Ну и хватит пить!

– Нет. Не хватит. Мне нужно выпить.

– С тех пор как мы познакомились, тебе постоянно нужно выпить!

– Мы на пьянке и познакомились.

– Я устала ложиться с тобой в постель, когда от тебя постоянный перегар!

– Я понимаю. Извини. У свиньи – копыта, у орла – клюв, а у меня – перегар.

– Что за бред! Ты, что, не понимаешь? Я же могла влюбиться в тебя, влюбиться по-настоящему!

Точно не могу сказать, когда она съехала. Я налил себе выпить ещё. А затем ещё и ещё.

Покойники за пивом

Поздняя весна. Середина мая, всё уже подсохло, ветер дует тёплый, и асфальт выглядит добрым. Я встал, выглянул в открытое окно и увидел, как на дороге играют две собаки. Они бегали, шутливо погавкивали, виляли хвостами. Солнце светило сверху и попадало на листья. Я извлёк из пачки одну сигарету и закурил её. Говорят ведь, что весной-то всё и просыпается. Не знаю, кто это придумал, но было похоже, что так и есть. Я докурив, выкинул окурки, на который тут же устремились голуби. Три или четыре штуки, но, распознав фальшивку, они вернулись на их дерево. Им наверняка нравилось думать, что это их дерево. Ладно, ладно, я крошил им хлеба. Они в очередной раз рванули с веток – и на сей раз не прогадали. Я зашёл в комнату, включил компьютер и нашёл там Паганини. То что надо! Скрипка! Мудак и впрямь знал толк в своём ремесле. Дока! Так вот, уже лучше. Я снимал комнату на двоих с братом. Брат – студент аспирантуры. Я предложил выкинуть телевизор, он отказался. Он оплачивал кабельное и интернет. Я ни за что платить не мог, я-то и за себя толком платить не мог. Но у меня был доступ к интернету, компьютеру, телику... Так вот, включил я Никколо и решил вынести мусор из-под своей кровати. Стекланные, пластиковые бутылки. Объём от 0,5 до 2,5 литров. Винные картонные пакеты. Выпив, я засовывал их под кровать. Вытащил четыре больших, тяжёлых кулёв, набитых этой пластиково-стеклянно-бумажной массой. Смятых и сдавленных. Беспольных: праздник ушёл из них. Баба из последнего подъезда, рядом с мусорными баками, фыркнула и закрыла окно. Она там постоянно висит. Нас с самого детства учили, что старость нужно уважать. И только повзрослев, мы поняли: плохие люди тоже стареют.

Мне позвонил один мой приятель. Раньше он звонил мне по 10–15 раз за сутки. Но потом он потерял телефон, и я вздохнул полной грудью.

- Да?
- Привет!
- О, привет. Куда пропал, почему не звонишь, не пишешь?
- Не пишу? В смысле?
- Устойчивое выражение... Это я образно.
- Какое?..
- СМС почему не пишешь?
- Я же телефон потерял!
- Ах да, точно, забыл...

Мы немного поболтали – разумеется, ни о чём, и он отвалил. Я с беспокойством осознал, что засранец где-то раздобыл новый телефон. Забавный парень. А кто не забавный?.. Тёма, мой друг, вообще уехал в эти выходные, с ним пивка не выпить. Уехал на «выезд», поболеть за любимый «Ростсельмаш». Тёма – пареньёк одиозный. Познакомились мы в институте; сошлись на почве любви к пиву при полном отсутствии желания погружаться в студенческий коллектив. Осмотрелись и волей-неволей сблизились. Он – футбольный фанат, так называемый «хулиган». Активная поддержка команды. Фирмы, файера, шиза, «танцы» с оппонентами, трения с силовиками, КПЗ, алкоголь, смех и выезд. Я – алкоголик, одиночка, отшельник. Принц в изгнании. Каким-то образом мы зацепились. Возможно, потому, что он тоже любил книги...

Я позвонил в пункт приёма крови и разузнал условия. 700 рублей. Неплохо. Я швырнул пакеты в бак, уселся на лавочку во дворе и закурил. И правда весна. Нужно немного пройтись, подумал я, и пошёл в бар. Там я заказал пива, я знал, что, когда приедет Тёма, он примется рассказывать про свой выезд. Он, как и все футбольные хулиганы, выезда обожает. Эмоций масса, и ими хочется поделиться. Я послушаю, интересно бывает. Если бы он взялся написать рассказ, он бы вам про собак на лужайке не повествовал. Я стал налегать на пиво, на сигареты.

Я не состоял ни в одной группе или движении. Может, пожарником стать? Херня. Я, порядком подпив, ушёл отсюда. Просто чтобы там не засиживаться, я отправился в другой бар. Там было тихо, полумрак.

– Водки, – скомандовал я.

– Водки?

– Водки.

Налили. Я выпил. Заказал пиво. Бармен был стариком. Там было человека три или четыре. Тихо, спокойно. Покойники за пивом. Ещё порцию водки. Одна пизда, из другого города, написала мне, что хочет меня, хочет поебаться или отсосать. Я пожалел, что я не в другом городе. Почему-то в моём этого никто не хотел. Закон подлости.

– Водки.

– Секунду.

– Лимона ещё порежьте.

– Это ещё пять рублей.

– Режьте.

Я пил там. Сидел, пил и слушал музыку, тихую музыку из чёрного динамика.

Я закурил, отхлебнул пива. Выпил свою водку и вышел.

Я шёл куда глаза глядят. Пару кварталов на север, поворот. Солнце светило. Всё выглядело нормально. Я шёл мимо двухэтажных бараков. Из одного окна доносилась слабая музыка, грустная классическая баллада. Марчелло, «Концерт для гобоя ре минор». Остановился. Прислушался. Подошёл к окну поближе. Потом, чисто из любопытства, заглянул. Может, там одинокая, мокрая, жаждущая мохнатка? Да ещё и в моём городе? Хрен там! В квартире было темно, затем я углядел парня. Он лежал на кровати, вокруг море бутылок, окурков и прочего хлама. Он лежал там и не двигался. Я простоял там минут 20, но он не шелохнулся ни разу. Глаза открыты, на лице неподвижная ухмылка. Было очень плохо видно его лицо, был день – и всё отсвечивало. Полуопустошённая бутылка вина рядом. Сукин сын, подумал я, неплохо разлётся! Не знаю почему, я постучал в дверь калитки. Открыла старуха. Мерзкая, потная, в больших очках. Она всё ёрзала своим задом и пыталась отыскать истину.

– Вы комнаты не сдаёте? – спросил я.

– Да, комнаты, вы от Марины?

– Ага, – подтвердил я, – я от Марины.

– Ну сейчас ничего нет, молодой человек.

– По-моему, уже есть, – парировал я, – посмотрите-ка вот эту, – указал я, руководствуясь расположением окна, – вы давно видели съёмщика?

– А-а-а?

Я повторил.

– Дня три как... В среду, или то был четверг... Он матерился на чём свет стоит, а затем хлопнул дверью так, что стены задрожали. Я к нему не касаюсь совсем.

– Проверьте-ка. Сдаётся мне, что комната свободна.

Она отвалила, вернулась со связкой ключей. Комната сильно прокурена. Повсюду бутылки из-под различного спиртного.

Ему было на вид лет 45 или 50. Он лежал на диване. Она вызвала скорую, затем приехала и похоронка. Два здоровяка его водрузили на каталку. Я стоял там, где меня быть не должно, и глазел на всё это. Его покатили.

– Стойте, – сказал я этим парням, – стойте.

– Чего?

Его всего накрыли белой простынёй. Я подошёл и откинул тряпку. Я стал всматриваться в его лицо.

– Ты снимать-то будешь? – старуха ухватила меня за локоть. – Комната свободна.

Я не ответил. Я смотрел. Там было моё лицо.

АЗС

Мне нужна была работа, и я позвонил по одному из объявлений в газете. Точнее, мне деньги нужны были, а не работа. Воровать я не умею, придумывать гениальные преступные схемы тоже, приходится батрачить. Работа – штука безрадостная и мерзкая. Женщина сказала, куда мне приходиться надо, и я пришёл. Заправка. Ну подошёл, а там из окна на меня смотрел какой-то рыжий пацан. Он-то мне и объяснил, какие мне собирать документы, когда приходиться. Я же припёрся на следующий день, раньше на 50 минут. Вышел из автобуса, перешёл дорогу и отправился в пивнушку с манящим названием «Сытый папа», но и там было закрыто: 7.10 утра. Тогда к заправке пошёл, а тот малый уже смену сдавал.

– Щас, – сказал он, – Юля придёт, будешь стажироваться в её смену.

– Это оплатят?

– Что?

– Ну работу. Пока я буду стажироваться.

– Нет. Работаешь с восьми и до пяти. Стажировка не оплачивается.

И тут он принялся мне рассказывать о том, что трудиться я должен прилежно: приходиться раньше на полчаса, убирать заправочную площадку, протирать стёкла витрин, затем переодеться и приступить.

Юля пришла. Они о чём-то поспорили и выдали мне форму.

– Учись смену сдавать! – говорила Юля рыжему.

Форма ужасная была... Штаны на подтяжках, огромные, куртка.

Заправщик был всего один. Его двадцатичетырёхчасовая смена закончилась час назад, так как было уже девять утра. Но домой его отпускать не торопились.

– Ты чего домой не идёшь? – спросил я.

– Не могут работника найти. Придётся ждать.

– А тебе оплатят переработку? Час-два?

– Нет, это не оплачивается.

– Так, иди домой! Ёбанный рот!

– Не-е-е, – сказал он, – мне нужна эта работа.

Этот малый отработал 24 часа – с 8 и до 8 утра за 1000 рублей, один на двух колонках, теперь он работал свой 25-й и 26-й час, а тот замечательный человек, что держал сеть этих АЗС, не желал ему 45 рублей за каждый переработанный час заплатить. Я уже полюбил своего босса, заочно. Побольше бы таких людей!

Заправка была на одном из самых оживлённых участков Ростова. И вся проблема была в том, что я был один там. Они всё звонили кому-то, говорили, но никто из штатных сотрудников выйти на работу не мог. А я и вовсе стажёр.

– Один, что ль, работать буду?

– Да нет. Сейчас найдём кого-нибудь.

В результате они никого не нашли. Мне выдали форму, я оделся в это тряпье и вышел. Рыжий написал мне прямо на колонке, куда в каком случае жать. Три вида бензина, а под ними три стрелочки: влево – это деньги, вниз – полный бак, а вправо – литры. То есть подъезжает блондинка в BMW и говорит, снимая солнечные очки (хотя зима уже):

– Девяносто второго пульсара на пятьсот.

Это означает, что нужно нажать на колонке «пульсар», затем стрелочку «влево» – деньги, вводишь сумму – 500, потом «ок», заправляешь, и всё. Делов-то!

Позже свалил рыжий, свалил тот рабочий, что был здесь с ночи. Остались я и Юля. Вдвоём. Нам следовало бы поебаться в задней комнате, например, но мы продолжали усердно

обогащать какого-то мудоёба. Форма была очень неудобная, но я каждый раз подходил к машине и спрашивал:

– Да?

Мне марку бензина говорили и сумму.

– Понял, – отвечал я.

Затем вычислял крышку бензобака, наливал, брал деньги и в кассу нёс.

Напор машин не ослабевал, они в очереди стояли, а я один был. В форме. Я не верил глазам своим: я видел много заправок. Работники спали там, затем выходили, заправляли и уходили. Тут же очередь, целая колонна машин, по обе стороны от пистолетов. Я мечусь как обезумевший. Стажёр.

Вот дед подъезжает, за ним восемь машин. Суёт мне карточку какую-то и 10 рублей. Чаевые.

– Чё за хуйня? – спрашиваю Юлю, поднося карточку.

– Давай, – она что-то там в компьютере делает, – иди, заправляй.

Далее втыкаю пистолет одному, беру деньги у другого, несу их в кассу, забираю сдачу, отдаю, вынимаю пистолет у «другого».

– Вам чек нужен?

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– Отлично. Всего доброго.

В какой-то момент я совсем издох – даже забыл, что курить хочу. Я подошёл к Юле:

– Это издевательство. Смена штатного сотрудника сколько стоит?

– Тысячу.

– Я имею в виду не с восьми утра и до восьми вечера, а с восьми утра и до восьми утра.

Двадцать четыре часа...

– Тысячу рублей. А двенадцать часов – так это четыреста пятьдесят рублей.

– Я уже люблю нашего работодателя...

– Так! Тихо, – сказала она и заулыбалась...

Я не должен критиковать самое крупное начальство при более мелком, но всё же – начальстве! Она ведь на кассе сидела, а это следующая ступень в карьерной лестнице.

– А ты сколько зарабатываешь за одну смену?

– Тысячу триста.

– М-де-е-е, есть к чему стремиться. Наш босс само человеколюбие!

Затем я отправился попить воды, потом заправил несколько десятков машин – и вот что заметил. Чаще всего моя двадцатичетырёхчасовая рабочая смена оплачивается двумя машинами. То есть минут за шесть-восемь. Это в 70 % случаев. Далее: реже – одной, и ещё реже – тремя. Машины идут постоянным потоком, образуют очереди.

– А могу я поесть? Попить? Покурить, в конце концов?

– Да, но это когда вдвоём, а ты сейчас один...

– Я всегда один.

Там уже вовсю сигналил какой-то дебил.

– Это рабовладельческий строй вернулся! Это противоречит конституции, трудовому кодексу! Это противоречит всему, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека!

Но она только смеялась с меня, говорила, какой я смешной. Она думала, я шучу.

– Возьми минералки.

Я заправил несколько машин, посмотрел на часы: 10.43 – и взял минералки.

– Я курить хочу.

– Ладно, иди, – сказала Юля.

Она напаялила на себя робу и вышла. Ей-то по статусу не положено, но добрая она душа. Я уселся сзади заправки, закурил. До еды мне дела не было, но выпить я захотел, о чём честно ей и сказал.

– Да ты с ума сошёл!

– Но мне просто необходимо выпить!

Затем я ещё несколько часов заправлял машины.

– Такого-то на столько-то.

– Конечно.

Чаевые давали – по 2–10 рублей... Редко.

Нудная работа, от которой тупеешь, от которой плохо становится.

Потом гопники какие-то пьяные пришли. Тёрлись там, курили. Затем покупать что-то стали. Я подошёл деньги отдать в кассу.

– Дай, я пройду. Деньги отдам, – сказал я одному.

– Слышь, – протянул он, – ты чё модный такой?

Я осмотрел себя: а вдруг и правда модный. Вроде нет.

– Нет, работаю здесь.

– Да?

Я уже уставать начал.

– Да. Съебись.

Я кинул деньги в кассу и пошёл, не оборачиваясь. Слышал, как они что-то говорят, но потом они в такси сели и уехали.

– Слушай, а что ты делать будешь, когда я уйду? В пять часов меня здесь не будет.

– Я не знаю. А может, останешься?

– А оплатят?

– Нет.

– Конечно, не останусь, и к тому же я закончу работу ровно в пять. Не в шесть, не в восемь, а в пять. Это я к тому, чтобы ты была готова.

Но они уже сигналили вовсю, и я опять вернулся к этим ёбаным колонкам. Но затем случилось нечто страшное: приехал огромный бензовоз, или что-то типа того. Какая-то здоровенная машина, и Юля, надев каску и оранжевую жилетку, отправилась туда, лазила по нему, что-то там проверяла, ебошилась с какими-то замерами... А тем временем на заправке чуть ли не бунт начался. Машины стояли в очереди, сигналили, требовали у меня сдачу, а кассира-то не было, я не мог ни деньги в кассу отдать, ни сдачу получить. Я чувствовал себя беспомощным. Я сдерживал их напор, пока Юля не вернулась, а потом взял себе перекур. Ещё через часок она сжалилась надо мной и дала минут 10 просто так посидеть в этой будке, а сама на площадку вышла. Я ждал, пока будет без пяти пять. Я смотрел на время каждые, как мне казалось, 20–25 минут, но выходило так, что прошло 5–7 минут.

В 17.00 я сидел внутри. Тяжело дыша, я стал снимать с себя эти ватные штаны, огромную, тяжёлую куртку. Юля хотела уговорить меня поработать ещё, но я отказался наотрез, даже шанса ей не оставил, она всё поняла. Затем предложила поработать до восьми, но уже платно. Но нет – всё напрасно. Я медленно раздеваюсь, меня не покидает мысль, что это рабство, а не работа. Затем я заполняю все бумаги, но за часы, проведённые с заправочным пистолетом в руках, я действительно отупел. Где нужна подпись, я пишу фамилию, а где фамилия – расписываюсь. И так два раза подряд. Порчу несколько бланков, но мне уже всё равно. Потом я поднял голову и увидел, что творится на улице: машин стало в два раза больше, они хватали заправочные пистолеты, жали не на те кнопки. Заправка была повергнута в хаос! Все они потерялись, как маленькие дети, орали что-то, разводили руками. Какому-то старому саботажнику удалось полностью отключить одну колонку. Всё дошло до того, что бедная Юля уже кричала каждому через стекло: «МЫ НЕ РАБОТАЕМ! НЕ РАБОТАЕМ МЫ!» Звонила кому-то,

узнавала, как вернуть колонку в дело. Я ликовал! На тебе, сука! Работодатель хоть и немного, но поплатился за свою жадность. Надеюсь, он только с Юли не вычтет за этот простой. А то, судя по всему, совестью он не обременён. На работу никто выходить не хотел, а единственный бесплатный стажёр умывает руки. И всё: пиздец пришёл заправке на час-другой. Но в результате Юля нашла кого-то, но прибудет он только к восьми.

В итоге мы делим с ней заработанные мной чаевые, выходит по 150 рублей. И тут она вычитает ещё 50 рублей в «фонд АЗС». АЗС бедствует, и потому учреждены фонды в помощь АЗС. Мне уже плевать на всё, я как растение. Требую пиво, но она не даёт, потому как внутри съёмка ведётся – и пить там нельзя. Я махнул на всё рукой и ушёл. Приехал домой и хорошенько надрался. Ноги болели, ноги зудели, и я не представлял себе двадцатичетырёхчасовой смены...

Утром я сомневался, буду ли там работать дальше. Но мне не позвонили, и на следующий день тоже. А на третий день я напился в тряпки: весь день пил пиво и ещё полночи – вино, утром мне сами знаете как, и тут звонок:

- Денис?
- Конечно.
- АЗС №... Вы не могли бы сегодня на работу выйти?
- Сегодня?
- Да, через полчаса нужно быть на месте.
- Ох... Нет, не мог бы. И знаете ещё что?
- Что?
- Я вообще не буду там работать. У вас то есть.
- Да? Почему?
- Я работу искал, а не в рабство нанимался. Увольте.
- Ладно, до свидания!
- Не приведи господь!

Мы распрощались, я выглянул в окно и увидел там снег, я заглянул в холодильник, но там ничего не увидел, тогда я сел за компьютер и написал этот рассказ.

Скачки

Даже несмотря на то, что меня мучило похмелье, я заставил себя встать. Жара. Такие у нас июли! Простынь мокрая от пота и смятая. Начало – в 12.00. Даже вентилятора у меня не было. Суббота. Я отправился на ипподром и раздобыл там программку скачек. Купил её у какой-то старушки, что сидела там в своей будке. Странно, но очередей я не увидел. Вернувшись, я взял много пива и принялся выискивать победителей. Накануне я сильно повздорил с Ларисой, и в этот день я её не видел. Помнится, я сильно шваркнул дверью и заорал: «ДА НАХУЯ МНЕ ВСЁ ЭТО НАДО?!» Она выскочила из комнаты и запустила в меня пустой бутылкой. Я попытался пнуть её, пустую бутылку, но не попал. Был пьян. Что-то я последнее время на шизика похож. Завожусь с пол-оборота, матерюсь. Но любой, кто живёт в одной комнате с женщиной, становится шизиком. Одного я никак не пойму: какого чёрта ей надо? Только одного – и всё. Я подскочил и хлопнул дверью: «И НЕ ВЫЛАЗЬ ОТТУДА, СУКА!» Она вышла и что-то заорала. «РОТ СВОЙ ЗАКРОЙ, БЛЯДЬ», – голосил я в ответ из кухни. Короче, было круто. А сегодня – я, пиво и программа скачек. Я анализировал. Первый заезд, третий, пятнадцатый... Уже голова кругом пошла. Я всё забросил. Пришла она и принялась готовить. Я курил у окна и молчал. Она обняла меня сзади.

– Что, может, и обнять тебя уже нельзя? – промурлыкала она.

– М-можно. Чё готовишь?

– Супчик... Ты будешь?

– Нет, – и я ушёл.

Ипподром был величественным сооружением. Ростовский ипподром – лучший ипподром юга. Единственный ипподром России, который находится в частных руках. Хотя я могу и ошибаться. Огромное здание, огромные козырьки и решётки на впускных воротах. И милиции тоже много. Это немного нервирует. Я заплатил за вход и, пробравшись через кордоны милиции, вступил внутрь. Вот оно. Я уселся на дощатую лавочку и открыл программку.

В первом заезде я проиграл. И во втором – тоже. Ставил немного. А вот в третьем я победил в двойном экспresse и воодушевился.

– Блядь, – восторжествовал я, – эти лошади пришли, как и нужно было!

Тут ко мне прицепился один дедок.

– Мне нельзя ставить, – развёл он руками, – нельзя.

– Ага.

– Как только увидят – сразу гонят.

– Отчего же так?

– У меня тут свои лошади.

– Какие?

Он назвал какую-то кличку.

– В шестом заезде бежит.

Я открыл шестой заезд. Посмотрел. Такой лошади там не было.

– Тут нет такой лошади.

– Как нет? А ну-ка, дай-ка посмотреть.

Я дал программку. Он сделал вид знатока, нахмурил брови.

– Ах, так вот же она, ты правильно её отметил.

Лошадь звали ВАВИЛОНИЯ, и 1000 метров она бежала за 1.12.2, что не являлось феноменальным результатом, но она мне всё равно нравилась.

– Я ведь в Афгане воевал, – объявил дедок.

– Пенсия, наверное, хорошая?

– Двадцать четыре тысячи. Плюс у меня четыре лошади здесь.

Я окинул его взглядом. Весь потрёпан, помят, пьяноват. Брючки с ремешком, рубашечка, – типичный видок советского алкаша.

Я посмотрел на владельца лошади: «Донской агросоюз». ООО.

– Тут написано, что хозяин – Донской агросоюз, – сказал я старикашке.

Он уткнулся в программку носом:

– Ну... правильно. Я директор.

Я ещё раз измерил его взглядом. И какого чёрта ему нужно? Лапшу мне на уши вешает. Я зашёл в бар и, ознакомившись с прейскурантом цен, попросил стакан воды. Проще вина в розлив купить. Вышел и увидел несколько воробьёв. Воробьи – маленькие распиздяи, подумал я. Прошло ещё несколько заездов. И вот вышла ВАВИЛОНИЯ. Красивая лошадь. Я поставил на неё в ординаре. ВАВИЛОНИЯ шла первой всю дистанцию – от старта и до финиша, не оставляя остальным ни единого шанса. Я пошёл к окошку забирать свои деньги. Дед постоянно отговаривал меня ставить на тех, на кого я хотел ставить. Включая ВАВИЛОНИЮ. Я выиграл в трёх заездах, и каждый раз он подходил ко мне, разводил руками, дескать: «ну видишь, как я тебе подсказал?!» и говорил:

– Тут уж я тебе помог! Ну а дальше сам, дальше сам...

– Ага.

И так каждый раз.

Лошади – это хорошо, а ипподром – адреналин. Намечался последний заезд. Лошадь звали Робин Гуд. Они вышли и покрасовались перед зрителями. Робин Гуд был замечательной лошадию: смоляно-чёрной, жокей прямо-таки всадник, и задница у Робина была в таких полосках. Я не знал, специально ли или от природы, но лошадь была замечательная, ретивая. Я открыл программку – ну точно: вчера выбрал именно его.

– Не советую, – сказал дед с видом оракула, – выдохнется быстро. Пятой или шестой придёт, не выше... Поставь-ка на двоечку.

Я пошёл и сделал свои ставки.

Они рванули из сарая. Дистанция была 1400 метров, и 1200 из них Робин Гуд шёл вторым. Затем они поравнялись, а всадник включил свой хлыст по-доброму. Он уже практически не сидел на своей лошади. Малыш на славу поработал хлыстом, и они пришли ноздря в ноздю.

– Будет фото – финиш, – сказал какой-то бывалый.

А люди то и дело твердили: первым пришёл «шестёрка»... Шестой номер будет первым. Кретины! Первым был пятый номер, первым был Робин Гуд, и я это знал. По громкоговорителю объявили: заезд выиграл Робин Гуд. И я двинулся к окошку, получить свои деньги. Бывалые огорчились. А двоечка пришла глубоко шестой.

– Ну что я тебе говорил? Да ты тут со мной разбогатеешь! – подошёл дед.

Я смолчал.

Но чёрт, шесть часов на ногах давали о себе знать. Я устал. И морально, и физически. И ещё этот чёртов дед меня утомил. Когда я ехал домой на маршрутке, я заорал водиле: «НА СИТО!» Я перепутал, я заезжал с другой стороны. Все оглянулись на меня. «НА ОСТА-НОВКЕ», – закричал я и вышел.

Я прихватил себе выпить и двинул домой. Зашёл.

– Ну как? – встретила меня Лариса.

– Хуйня, – ответил я.

– Хотя бы не проигрался.

– Да уж.

В тот вечер я здорово напился.

– Ты есть-то будешь? – спросила она.

– Чёрт, да я лучший в мире игрок на скачках, – твердил я ей, – я гений.

– В чём?

Я наливал. Зачем отвечать на риторические вопросы?..

Тогда я пил очень много. А она засовывала мне свой язык в самую глотку. Она искупалась, и мы легли в постель. Спать, типа. Она надрочила мне болт. Я то и дело твердил ей тогда:

– Я – лучший в мире игрок на скачках, ты хотя бы это понимаешь? Понимаешь ты это или нет? Я – лучший в мире игрок на скачках!

– Ага, – смеялась она, – ха-ха-ха-ха.

– Ни черта ты не понимаешь!

– Давай-ка лучше делом займись, – и она запускает руку ко мне в трусы. Я запускаю руку ей под майку, думая о том, что она даже не знает, кто я такой. А затем я отыскал там одну грудь и, присосавшись к ней, обо всём позабыл.

Кое-что о гриппе

Тогда зима ещё толком и не началась, а я уже успел заболеть. Да ещё и как! Грипп. Кости ломит, голова болит и, кажется, вот-вот расколется на две части. Это даже хуже, чем похмелье. Я хочу сказать, что, когда у вас похмелье, тут хотя бы ясно, за что вы страдаете, а вот грипп... Короче: этот ублюдок крепко прихватил меня за яйца, и всё тут. Хоть стой, хоть падай. Я слёг. Там имелись какие-то таблетки, но мне было бы куда легче, если бы они не знали номера моего телефона. А выключить я его не мог: ждал нужного мне звонка. И вот утро. Кости ломит, голова трещит, а я обливаюсь потом и малодушно помышляю о смерти. Я Понтий Пилат. Я – Джордано Бруно, пожираемый адским пламенем. Я... Как бы там ни было – звонок.

– Здорово!

– Привет, – отвечаю.

– Ну чё, в «тотошку» едем, а? – это Тёма. Собрался испытать удачу на тотализаторе.

– Нет. Я болен.

Он недоумевает.

– Да, да. Заболел. Это грипп, ужасно себя чувствую.

Мы говорим ещё минуты две о какой-то безделице, потом я вешаю трубку.

Я медленно умираю. Еле встаю, пью таблетки. Я знал, что нужно немного поесть, но не смог проглотить даже малюсенький кусочек хлеба. Чуть не сблевал на ковёр. Чёртова сухая пища! Никогда её не понимал. Вставать мне тяжело, ходить – тем более. Я понятия не имею, что должен делать. Я просто валяюсь в кровати, оглядываюсь, страдаю. Пью какие-то таблетки. Мне звонят люди, и каждый из них – ебучий доктор. Каждый знает, что я должен делать, чтобы выздороветь. «Пей то-то и то-то – и завтра будешь здоров», – говорят они. Но рецепты у каждого разнятся. «Конечно, конечно, ты прав», – отвечаю я каждому: у меня нет сил спорить, я разбит, я просто устал.

– Привет, заболел, говорят?

– Кто говорит?

– Так. Люди...

– Ага. Грипп.

– Я к тебе приеду!

– Послушай, не стоит. Это же грипп, знаешь? Я заразный, правда, заболеешь...

– Не заболею, у меня иммунитет.

– Да похуй на твой иммунитет! Вирус гриппа всё время мутирует, от него не найти лекарства, понимаешь?

– Я приеду к тебе с пивом, полечишься!

– Мне плохо, приятель, я лежу в кровати...

– Я приеду! Посидим! С пивом, ты же его так любишь!

Я сдался. Он непрошибаем, он псих. Чума. Наваждение. Как вам такие ребята? Как вам такие славные ребята? Он вполне успешный, коротко стриженный, не опаздывающий на работу, практически не пьющий, следящий за своей репутацией парень. Но какого чёрта ему понадобилось от меня? А? Я всего лишь пьяница со своими историями. Мы прямые противоположности, тем не менее мне от него, похоже, не отделаться. Он заявляется с пивом. Он доволен. Кажется, он не понимает, что я болею, он думает, что всё это ради шуток. И ещё: разумеется, со своим рецептом. Конечно.

– Как ты тут?

– Держусь...

Я пью пиво. Оно безвкусное, как будто жевать картон. Я его пью и пью, он сидит. Или играет в компьютер, на котором я иногда пишу. Он сам не знает, какого чёрта ему понадобилось, да и никто не знает.

Заходит эта женщина, моя соседка. Её ещё не хватало! Она с каким-то своим дерьмовым рецептом. Она принесла мёд. Я выпроваживаю её матом, это новый скандал. Она проебалась, попала в молоко, села в лужу. Мне не привыкать, слишком много людей хотят вторгнуться в мою жизнь. Тут звонок. Звонит парень, я знаю, что он намерен сказать. Он звонит 74 раза за сутки, его ничем не пронять. Я жму кнопку «Тихо», с меня хватит. Я умираю, я смотрю на потрескавшийся потолок, на обои. Всё застыло, умерло. Я умираю среди умершего и ни о чём не думаю. Мне плохо, я даже встать не могу. Звонит Тёма, вновь:

– Да?

Он начинает нести какую-то ахинею, орать в трубку, смеяться. Пиздюк, напился – и места себе не находит! Я прошу его говорить по делу, мотивируя это тем, что мне вообще тяжело разговаривать. Мне действительно тяжело. В трубке я слышу нечленораздельные звуки, смех. Я вешаю трубку. Я умираю. Все остальные звонки я просто игнорирую. Хватит с меня. Я забываю про важный звонок, выключаю звук. Беру «Бесы» Достоевского (кого же ещё?), пытаюсь почитывать. Отлично – Степан Трофимович... Ничего не выходит, я слишком слаб, не могу сконцентрироваться. Откладываю книгу, выпроваживаю того навязчивого ублюдка. У меня давление, температура, всего ломает, я УМИРАЮ! Я пытаюсь встать, пью какие-то таблетки. Я готов, зовите священника! Или на хуй священника, никого не надо, дайте хотя бы умереть спокойно.

Я болел около недели, не меньше. Но ясно же, я остался в живых, иначе кто бы это написал? В общем, я, непонятно как, остался жив. Я отпустил бороду, зарос. Побрившись, я отправился в парикмахерскую. Я едва оклемался и был как отмороженный. Там, в парикмахерской, было три места, три парикмахерши. Но стригли только две, и к ним была очередь, а одна сидела без дела и смотрела в стену. Она просто сидела и уставилась в стену. Её коллеги перешёптывались:

– Смотри, да она же пьяная...

– Да, опять на рабочем месте... напилась!

– Эй, а почему там никто не стрижётся? – спросил я. – Какого чёрта?

– Да она же пьяная, ты посмотри, – ответил какой-то мужик.

Она сидела там одна. Я встал и пошёл к ней. Я сел. Она принялась меня стричь, всё было великолепно. Мы говорили, нет, правда, мы разговорились! Потом она взяла опасную бритву.

– Только не прикончи меня раньше времени, – сказал я.

– Жить хочешь?

– Не знаю пока...

– Ладно, мастерство не пропьёшь!

– Знаю, я уже пробовал...

Всё закончилось благополучно. Я здоровый, подстриженный и почти понимающий, что вообще происходит, протянул ей деньги, я протянул ей деньги и сказал:

– Держись тут, крошка. Они готовы тебя прикончить за пару бутылок пива.

Мудёжка с квартирами

Найти новую квартиру оказалось делом нелёгким, и весьма. Фокус в том, что время я выбрал неподходящее. Конец июля. Летний период – студенты, абитуриенты и прочие. Не один я, в общем, искал жильё. Я пошёл и сорвал несколько объявлений, решив, что позвоню туда вечером, и отправился домой. Я не переношу жару. Чёртов июль, чёртов Ростов! Чёртово всё!

Чёртова полоумная бабка, из-за которой я вынужден искать новое жильё – и это в час пик!

Она была активная, деятельная. Она сошла с ума. Старая цыганка, глаза чёрные, как пуговицы, необузданные седые волосы. Она постоянно чему-то возмущалась. В магазине, что за углом, нас травят. Там печенье лежит аккуратно между ядохимикатами и испорченными продуктами. Из сосисок вытекают витамины, если их варить в воде... Всё это, за неимением подруг, она рассказывала мне. Если с бодуна, утром, я брёл в ванную комнату, чтобы поссать и умыться, и, не дай бог, не поздоровался с ней, неделю после она не имела покоя.

Когда ей надоедало докучать мне, то было очень даже смешно – лёжа в кровати и попивая волшебное пиво, наблюдать через окно на первом этаже, как она атакует проезжающие по двору машины. Она снимала тапок с правой ноги и гонялась за каждой проезжающей машиной с криками: «СВИНЬИ! СКОТЫ! СКОЛЬКО МОЖНО ПО ДВОРУ МОТАТЬСЯ! Я ВАМ СКОЛЬКО РАЗ ГОВОРИЛА, НУ Я ТЕБЕ ПОКАЖУ!» – устремлялась она за новой жертвой. И это не выдумка – реальная сцена! Она обезумела. А я пил пиво, покуривал сигаретку и, знай себе, хохотал. Но потом она приходила домой, чтобы я опять слушал её бредни.

У неё был сынок. Лет 35 ему тогда было. Наркоман. Вообще же, я не помню, как оказался там – какая-то малосемейка по улице Штахоновского. Девять этажей, целый улей. Цыгане, торчки, шлюхи. Такой клубок там завертелся, что мама не горюй! Эти шлюхи смотрели на меня с верхних этажей, тыкали языком во внутреннюю сторону щеки и хохотали, потому что я не знал, как к ним добраться. С моего входа подъёма на этажи не было. Цыгане не обращали на меня внимания, они знали, что я алкаш и наркоту покупать у них не буду. Эта девятиэтажка кипела, бурлила, сходила с ума, она вмещала в себя самых мерзких и отвратительных представителей человечества, а я был вишенкой на этом торте.

Сынок старухи заявлялся несколько раз в неделю, и тогда у них происходили скандалы. Меня не сильно парило, если в туалете валялись шприцы. Но когда они начинали орать, это уже напрягало. Однажды конфликт был громче обычного. Я понял: паренёк кому-то крепко задолжал. Незамедлительно он требовал выдать ему денег. Бабка не уступала. Ублюдок сейчас ворвётся ко мне, подумал я. Закрыл дверь на ключ, стал в угол и вооружился увесистой палкой – ножкой от раскладного стола. Недоумок метался по квартире и орал: «ГДЕ МОЯ ДУБИНА, МАМА? ГДЕ МОЯ ЗЕЛЁНАЯ ДУБИНА? Я ЕГО УБЬЮ!» Так он провоцировал её отдать ему деньги, чтобы он, мол, никого не убивал. Затем он убежал – несолоно хлебавши. Повезло мудаку, подумал я и убрал палку.

Заранее убедив себя в том, что все агентства – мошенники, а все риелторы – свиньи, я позвонил по первому номеру. Я искал изолированную комнатку. Чтоб без соседей и, главное, хозяек жилья. На звонок мне никто не ответил. Отлично. Я налил себе стакан охлаждённого пива и набрал второй номер.

Ответила девушка, естественно. Милый спокойный голос, молодая. Родители отдали её учиться на юридический, а тут она летом подрабатывает. В этой дыре она не останется, ей уготовано другое будущее. Ладно, мне просто комната нужна.

Она предложила мне несколько адресов на выбор, которые можно было посмотреть сегодня. Я пил пиво, валялся в кровати. Мне было лень. Я отложил до завтра – я всегда так поступаю. К ночи я планировал сварить себе несколько картошин, но когда попытался встать,

то упал с кровати и больно ушибся спиной. Перебрал алкоголя, не надо было мешать пиво с крепким. Тогда я взобрался обратно, решил, что картошка тоже может подождать, закрыл глаза и отключился.

Подскочил я в семь с небольшим. Ещё один минус этой квартиры – вечно орущие, почему-то именно под моим окном, дворники. Первый этаж, окно, естественно, открыто. Каждый божий день. И не божий тоже. Может, это из-за меня? И, когда я съеду, они всё равно меня разыщут и будут так же орать уже под окнами новой квартиры?

Я отправился в туалет, чтобы поссать, а очутившись там, принялся блевать. Еда. Вонь стояла на всю квартиру. Она готовила себе еду. Вонь стояла невероятная: на этот раз – что-то очень пережаренное, сильно пережаренное, с огромным количеством чеснока. Эта вонь перемешалась с вонью из раковины и попыталась убить меня тем утром, в вонючей квартире с огромными жирными стенами, без вентиляции. Проблевавшись, я вышел и лёг спать. К одиннадцати я был уже на ногах, выпил две банки пива, обнаруженные мной в холодильнике. Куда-то идти – бессмысленно. Мир лишён смысла. Эта сальная масса только совокупляется, пердит, ходит на работу. Всё это лишено смысла. Ублюдки, труссы, тупиковая ветвь эволюции. Я схватился за какую-то книгу и завалился в кровать.

К шести вечера я оказался в баре. В нём было достаточнолюдно, но я отыскал свободный табурет, уселся там и заказал пива. Закурил и осмотрелся – бар. Бар как бар. Даже кондиционер есть – это уже кое-что. Ну пиво, как обычно, – бодяга. Рядом со мной сидел парень с бейджилом на груди: «Хочешь похудеть? Спроси меня как!». Что за недоумок?

– Я хочу найти квартиру, – сказал я ему.

– Квартиру?

– Квартиру.

– Ну что ж, хм-м-м... ум-м-м... Ладно, вот мой номер, – сказал он, – позвони, может, и смогу тебе помочь. Потом он встал и ушёл. Я взял визитку. Степан Валентинович. Я смял её и положил в пепельницу.

Там, в баре, я пил до ночи, а когда оказался на улице – было уже темно, повсюду были разные цветастые вывески, неоновые рекламы, фонари. На ногах я стоял нетвёрдо и, имея под мышкой ещё бутылку вина, побрёл домой. Вино там продавали в розлив, и более забористую хренотень я встречал нечасто. Набрался я очень неслабо и шёл почти на автопилоте. А когда добрался до дома, то знать не знал, как быть дальше: слишком крутой спуск. Слишком. Тогда я придумал, что нужно делать, чтобы оказаться дома, и не с разбитой головой и переломанными костями. Я лёг на асфальт, обнял бутылку вина – как мамаша своего младенца – и просто покатылся вниз. Боком. Как бревно. Скатившись, мне стоило немалых усилий сообразить, где я и что со мной произошло. Мало того, что я был изрядно пьян, у меня ещё и слабый вестибулярный аппарат. Я еле оклемался, нехило проблевался и чудом попал в квартиру. Спать.

Я усиленно включился в работу. Мудёжка с квартирами продолжалась. Сидя в кабаке, жильё не найдёшь. Подтереть жопу – и то потребуются приложить усилия. Какой же это пошлый мир! За три-четыре дня я перелопатил массу вариантов – всё мимо цели. Всё дерьмо собачье. Дерьмо кошачье. Дерьмо коровье. Встречался с разными агентами, хозяевами, повидал множество квартир, домов, гостинок. Я просто устал от всего этого. Каждый день я неизменно напивался и к вечеру уже слабо соображал. Поступали звонки, вечерние, когда я был пьян, выходили забавнее, но неизменно я всё портил. Около восьми позвонила какая-то девушка:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Вы квартиру ищите, верно?

– Абсолютно верно!

– Простите, как вас зовут?

– Хосе Консека.

– Как?

– Хосе Консека.

– Простите, что?

– Я сказал, что я – Хосе Консека!

Молчание.

Молчание.

– Молодой человек, мне не до шуток, я занята работой, вам нужна квартира или нет?

– А вам?

– У меня уже есть. (Некоторые бросали трубку гораздо раньше, но эта оказалась либо очень терпеливой, либо любопытной.)

– Я буду жить у тебя. Я ведь славный парень. Руки, конечно, не золотые, но банку пива за восемнадцать секунд выпиваю. Могу и быстрее, если пить из бокала, а не из банки.

– Сейчас я повешу трубку.

– Ладно, в самом деле, крошка, я мог бы нагрянуть к тебе, прихватить вина. Мы могли бы посидеть, поговорить. У тебя приятный голос. Ты знаешь...

Договаривал я обычно в никуда. Гудки раздавались с того конца трубки.

После позвонила какая-то бабка. Я её не знал. И приказным тоном она заговорила:

– Ты жить-то будешь? Хата нужна? Кто будет жить? Он, она, оно? Ну? Что? Решил?

– Миссис, да подите-ка вы ко всем чертям! Прочь от меня! Прочь! Прочь!

А утром всё начиналось сызнова: беготня, звонки, просмотры. Я совсем измотался. Выдохся. И денег пропил столько, что хватало теперь только на комнату. Договорившись с одним малым, я пришёл на просмотр очередной... Нет кухни. Нет газа. Нет ванны. Электрическая плита и холодильник – в прихожей, душ – в туалете, прямо над унитазом, в комнатке один квадратный метр. Отказался. Время шло, точнее – сокращалось. А ещё точнее – заканчивалось. Его почти не осталось, а я по-прежнему не мог выбрать. Все владельцы были наглые сребролюбцы. Никто не мог приютить гения. Талантливого писателя, голодающего и жовиального романтика! О, это было ужасно! Холод и безразличие – атмосфера бездомного Ростова.

На горизонте замаячил вариант – комната в секции. Ванна – кухня – туалет – общие с соседями. Чертовски не хотелось видеть этих ублюдков, знать их имена, контактировать с этими мудаками. Но мои требования становились скромнее – прямо пропорционально заканчивающимся деньгам.

– Что там хоть за соседи? – спросил я.

– Две девушки.

– Девушки?

– Да. Ну так, что?

– Давайте посмотрим.

Я не особо обрадовался этим двум сучкам. Чёрта с два! Но место было неплохое, тихий двор. Второй этаж, чистая комната. Ну и пусть живут эти шлюхи. Может, будут мне по очереди перед сном отсасывать...

Я спустился вниз, сжимая в кулаке ключи от нового жилья, и решил отыскать ближайший магазин. В шаговой доступности оказалось три продуктовых магазина, где я мог купить пиво, сигареты и чего-нибудь съестного. Один из них даже имел лицензию на продажу крепкого алкоголя. Для меня это важно: обычно дальше магазина я не выхожу. Если в магазине есть всё, что мне нужно, Ростов для меня ограничится этим пяталчком. Позже я обнаружил там же ещё две аутентичные наливайки, где рюмку водки можно было закусить бутербродом с колбасой и запить всё это сомнительным пивом. Короче, мне там понравилось!

Обследовав район, я хорошенько затарился выпивкой и вернулся домой. Дамы ушли. Я был им благодарен за то, что они избавили меня от необходимости знакомства с ними именно сегодня. Я открыл пиво и сделал первый глоток. Волшебное. Остальное пиво я загрузил в холо-

дильник, включил Бетховена и, растянувшись на кровати, уставился в окно – моё окно выходило назад дома, назад двора. Всё было засажено деревьями, кустарником, всякой зеленью. Один каштан буквально засовывал свои ветви в мою комнатуху. Тишина, спокойствие и холодное пиво. Мудёжка с квартирами была окончена!

Сцены невыдуманных спектаклей

Эпизод 1. Предпраздничные увертюры

В канун Нового года меня как раз турнули с работы. В общем-то, недопонимания случились на почве до некоторой степени беспечного отношения к заполнению документов. Меня вежливо попросили унять фантазию, что напрямую отражалось на моём заработке. Ответным жестом стало заявление «по собственному», и я снова мог дышать полной грудью. Даже становясь на шаг ближе к голодной смерти, меня всегда восхищало то чувство, что сопутствовало увольнению. Увольнению с тошнотворной грошовой работы. Это покруче любой наркоты будет, это приятнее, чем секс. Помните это: «Затем вдруг как бы что-то разверзлось перед ним: необычайный внутренний свет озарил его душу...»? Нечто подобное испытываю и я, когда ухожу. Только значительно дольше, чем полсекунды. Ухожу, оставляя их там. В секунду ворох проблем, так отравлявших тебе существование, становится несущественным. Как по мановению волшебной палочки куда-то пропадают все эти бездумные муравьиные смены, все эти бумажки, где почему-то есть и твоя фамилия, все эти приёбнутые случайные знакомые, которых ты и знать не думал...

Стакан с пивом я поставил. Нужно было открыть новую бутылку.

– Чё теперь делать будешь? – спросил Серёга.

– Накуплю пива, заберусь под одеяло и буду «Симпсонов» смотреть...

– На хер они тебе сдались?

– Там показана весёлая и беззаботная жизнь. Иногда полезно, чтобы руки на себя не наложить.

– Да?

– Конечно. У Хемингуэя есть замечательная книга – «Праздник, который с тобой всегда», вроде. Она меня в своё время очень выручала. Действовала лучше любого успокоительного или психолога.

– И про что там?

– Про Хэма. Важно не это. Важно то, что читаешь ты эту книгу, читаешь – и вдруг ловишь себя на том, что ты сидишь и улыбаешься в эти страницы. Каким бы дерьмовым ни выдался твой день. Вот как он умел.

– А ты так не умеешь?

– Если бы умел – уже б Нобелевскую премию дали.

– Дадут ещё.

– Ага. Если только пиздюлей в подворотне.

– Симпсоны, хемгуэи эти... На хер этих америкосов!

– Когда сидишь в пятнадцатиметровой яме, под землёй, американцы уже не кажутся тебе вселенским злом. Опасаться надо тех, кто ближе всего.

Конечно, теперь придётся искать работу. Но сейчас об этом думать совсем не хотелось... Это только у Керуака да Ричарда Баха жизнь протекает плавно, без напрягов. Один на поездах бичует да в горах медитирует, второй на кукурузнике летает. В обыденной жизни, помимо самых очевидных потребностей, вас ещё отымеет один миллион мелочей, которым в свободлюбивых романах американских путешественников просто нет места. Нужны спички, туалетная бумага, косметические ножницы, нитки, медицинская вата, пальчиковые батарейки, мешки для мусора, столовый нож и много-много всякого дерьма, о котором сейчас говорить нет смысла.

Мы сидели втроём, пили пиво и разговаривали. Из соседней комнаты донёлся неприятный ноющий звонок стационарного телефона. Серёга ответил – квартира же его. Через минуту он появился в дверном проёме, растерянно почесал поседевший затылок.

– Лёня, – молвил он, – сейчас Черепях перезвонит. Ему там СМС какое-то пришло. Кредит одобрили. Он взять хочет, а сам хуй чё понимает. Да и я не понимаю. Короче – объяснишь? Он сейчас перезвонит.

Черепях и впрямь не отличался недюжинным интеллектом. Вообще, докторов наук среди нас не было. Но некоторые выделялись даже на общем фоне.

– Да объясню, хули, – сказал Лёня.

Затем опять завыл телефон, Лёня удалился, оставив мне сигарету, и через какое-то время уже он заполнил дверной проём. Глаза его сияли, потные ладони он то и дело потирал. От волнения он закурил сигарету со стороны фильтра.

– Черепяху СМС пришла...

– Блядь, знаем, – вмешался я, – и что?

– А то! То! – по его глазам и экспрессивным выпадам я понял, что я полный болван. – Там четыреста пятьдесят штук денег. Пол-ляма.

– Кредитка?

– Ага. На пол-ляма, считай.

– Хуйня это всё... – вмешался Серый. – Кредитки-хуитки... Я ещё налью.

Он разлил на троих.

Я сказал:

– Ты-то чё разволновался? Хочешь ему башку отбить и деньги забрать?

– Дурак, что ли? – брезгливо поинтересовался он. – Дело в том, что у меня такая же СМС есть. На пол-ляма (ему, судя по всему, понравилось это выражение).

– А-а, ну нехуёво. Тебе повезло.

– Ну так, звони, – сказал я. Сказал – словно бы выстрелил из стартового пистолета.

Он подхватился и стал звонить.

Я не знаю, почему здесь, в двадцать – ебать его за уши – первом веке так легко раздобыть деньги, но ему каким-то образом одобрили этот кредит. Ему давали кредитную карту – на 450 000 рублей. Это ещё при том, что в двух или трёх банках на нём висели действующие кредитные обязательства, обязательства, по которым он не платил. Как всё это делается, как всё это получилось – я понятия не имею. Да и знать не хочу. Я только помню, как он позвонил утром, 25 декабря, позвонил и заорал прямо в трубку: «Есть! Он пришёл! Он принёс! Кулер! Ой, блядь! Курьер! Карту принёс! Ты где?...» Где я был? Я спал...

Эпизод 2. Примерно в это же время, примерно в этом же месте

Денди (это я прозвал его «Денди» потому, что, даже будучи бездомным бродягой, он стремился к прекрасному и выглядел достаточно элегантно) сидел на кухне и смотрел в окно. Зима была снежная, но спокойная. Очень плавно и размеренно снежинки падали откуда-то сверху и покрывали весь двор. Незаметным из квартиры морозцем сковало все улочки, отчего они казались маленькими и уютными. Всем, только не бездомным. Денди обхватил колени руками и думал, а подумать ему было о чём. Хотя бы о том, что теперь у него не только есть газ, но ещё и кухня, на которой он может его зажечь. Он уже и отвык от того, как это может быть приятно...

Денди было 36, и уже лет 15 у него не было ни кухни, ни газа, ни даже своей кровати. Всё это случилось с ним, когда он ушёл из дома, а из дома он ушёл, когда незаметно и без предупреждения, лоб в лоб встретилась с ним взрослая жизнь. От взрослых постоянно кто-то и что-то требует, и когда Денди повзрослел, требовать уже стали от него: чтобы он немедленно нашёл работу и влез в семейную упряжку, тянувшую на себе квартплату да полный холодильник. Менее настойчиво, но всё-таки требовали, чтобы он женился, говорили о детях. На этом фронте особенно усердствовали старухи, вечно всем недовольные, вонючие старухи. Ещё настаивали на том, что нужно поменьше гулять, значительно урезать рацион алкоголя и оставить в покое банду его старых дружков. Этого Денди допустить не мог. Он чувствовал, что на него надевают наручники, запирают в маленькую и тёмную клетку. Работать Денди не любил. Он полагал, что работа убивает душу, при этом ещё и калечит тело, а это он считал антигуманным. Жениться он тоже не мог: женитьба на одной особи женского пола лишала бы его альтернативы в будущем, закликивала на конкретном объекте и не давала свободы творчества. Какой же дурак, думал Денди, может с собой добровольно такое сделать? Существует, конечно, лёгонький акт подлости – супружеская измена, но зачем лгать, когда вполне можно обойтись без обмана, ничуть при этом не пострадав? Денди был очень благородным человеком. Ну и о том, чтобы бросить своих друзей – голодных и испуганных, – не могло быть и речи! Кто же о них позаботится, если не он? Денди был воистину благородным мужем!

Недавно Денди получил наследство – приличную двухкомнатную квартиру на втором этаже старого двухэтажного барака, в небольшом посёлке рядом с крупным городом.

Он не закатил никакой безбашенной вечеринки по такому случаю, а только думал да смотрел в окно. Денди справедливо полагал, что теперь он стал не только домовладельцем, но и человеком, обременённым кучей ненужных ему проблем. Теперь придётся постоянно кому-то платить, заботиться о множестве различных вещей, глядеть в эти мерзкие канцлерские хари да носиться по всему городку с кипой различных бумажек. «В этом нет ничего благородного, – думал Денди, – и мне это всё претит».

Тут раздался звонок в дверь. Внутри Денди разливалось тёплое и приятное чувство, и это было не вино (о чём он тут же пожалел). Это было не только чувство собственности, но чувство защищённой, запертой на замок собственности. Теперь уже никто не сможет беспардонно нарушать его личное пространство и мешать ему думать. Теперь он будет решать – кого впустить, а кого нет. Он всегда мечтал открыть дверь с сигаретой в зубах. Он видел это в американских фильмах, его восхищал вид появившегося на пороге домовладельца в трусах и майке, с растрёпанной головой и сигаретой в зубах, это означало, что и в квартире, и в личной жизни у человека всё хорошо. Поэтому Денди закурил и пошёл открывать дверь. Кто бы это мог быть, думал по дороге Денди.

– Кого там, к чёрту, принесло? – спросил Денди из-за двери, давая понять, что не потерпит никаких посягательств на свою новую собственность.

- Денди, – раздался голос, – открывай. Это я.
- Луковицеголовый?
- Да-да, открывай.
- Луковицеголовый, ты один? – Денди требовалась вся информация о госте.
- Один, один. Открывай, холодно же.

Денди открыл дверь. Он стоял в трусах да майке, и в сияющей улыбке торчала сигарета.

– А как по мне, нормальная температура, – сказал радостный Денди.

– В квартире-то конечно. Он ещё газ включил, – ворчал Луковицеголовый, продвигаясь на кухню.

Луковицеголовый был одним из дружков Денди и прозвище своё унаследовал от Перикла. У него была большая и по-смешному вытянутая голова, и Денди всегда говорил: «Как у того грека. Не помню его имени. Его называли „луковицеголовым“».

Луковицеголовый припёр с собой пятилитровую банку дешёвого вина, которое они покупали у престарелой и почётной семьи Канапатьяко, жившей через две улицы от Денди. И ещё обмазанного в глине большущего петуха.

- Что это? – спросил Денди, указывая на петуха.
- Курица. Петух. Не видишь, что ли?
- А что с ним случилось?
- Я не знаю. Он умер, погиб.
- Ты чего, куриное кладбище разграбил?
- Нет, просто обвалял в глине. Мы прямо так его и запечём. Духовка работает?
- Газ есть, – гордо сказал Денди.
- Ну и хорошо. А когда достанем, глина поотпадает сама собой, а вместе с ней и перья.

Нам достанется чистейшее мясо, друг мой!

– Ишь ты, – прицокнул Денди, – чего только не придумают!

– Разве ты не знаешь, – ответил Луковицеголовый, – мясо – самая лучшая компания к вину. Бог всё предусмотрел.

– Знаю, знаю, – ответил Денди и выглянул в окно. В квартире было очень уютно.

Эпизод 3. «О спорт! Ты – мир!»

Ветра в этот день почти не было, отчего совсем не чувствовался и мороз. Но от этого мало проку, если у тебя нет выпить. Три тёмных фигуры нетерпеливо вышагивали в сторону спортивной площадки на озеленённой зоне для отдыха...

– Сколько у нас пилок? – осведомился Кучер.

– Шесть, – коротко ответил Билл.

А третий только сказал:

– Нужно только побыстрее это всё делать. Иначе окажемся в отделении полиции или же в больнице.

– Вон там, за деревьями. Пошли.

Все трое приблизились к старым металлическим брусьям, на которых ребята из близлежащих кварталов могли и прокачивали практически все группы мышц. Брусья были забетонированы на славу, ещё в советское время, стояли тут уже лет 35 или 40. Кучер обнажил пилу по металлу, третий закурил.

– Покурим, – бросил Билл и сел на заботливо отпиленный ствол большого дерева.

Кучер принялся за работу. На первую стойку ушло две пилки. Они сильно нагревались, потому действовать приходилось с большой осторожностью: одно неверное движение – пилка в секунду щёлкала, ломалась, её требовалось заменять на новую.

Пока в морозном воздухе так замечательно пахло хвоей, пока снежинки вальсировали с самого неба, бесконечные, как вся вселенная, пока полицейские узики искали себе новую жертву...

Все трое уже ощущали во рту вкус алкоголя, причём каждый мысленно покупал свой любимый продукт. Так, например, Билл непритязательно рисовал в своём воображении, как он выходит из аптеки, а карманы его приятно оттягивают пузырьки со спиртом для наружного применения. Кучер хотел выпить несколько кружек охлаждённого пива. Но как бы там ни было, все они прекрасно понимали, что дело закончится водкой.

– Потасили, – сказал Билл.

Дело было сделано. О том, чтобы сдавать брусья в таком виде, не могло быть и речи. Тётя Глаша – приёмщица металла – сразу поймёт, что это искалеченный спортивный снаряд. Не возьмёт – это в самом лучшем случае, а то и полицию вызовет.

– О том, чтобы сдавать брусья в таком виде, не может быть и речи, – сказал третий, – она сразу всё поймёт, это же очевидно.

– И что ты предлагаешь?

– Нужно распиливать. Разделить стойки с этими штуками, потом ещё раз – всё напололам.

Когда со всем было покончено, то, что осталось от брусьев, было присовокуплено к другому украденному или найденному металлу, на весах оказалось 113 килограмм, и наши друзья получили 790 рублей чистой прибыли...

Атлантида, дурные сны и соседство со скотами

Дождь третий день не перестаёт. Ночь. А я сижу в машине – такси – и слежу за мужичком, что снаружи. Волосы поредел, но зачёсаны назад. Носит серый костюм, коричневые туфли с острым носком, телогрейку и коричневый плащ. В очках – в общем, похож на художественного руководителя. Так и есть, слышу, как он говорит по телефону:

– Любочка... Любочка! Да. Вы нужны мне. Всё начнётся завтра, в 12.00. В ДК «Ростсельмаш». Да. Это рядом с вокзалом. Что? Ну уж постарайтесь, Любочка, вы очень мне нужны!

Я слушал, как тарабанит дождь по машине, и тут мы поехали. А мне вспомнилось, как ещё в школе, классе в шестом, я написал стишок про дождь. Заканчивался он так:

«Он стучит и стучит, он похож на меня,
Он ведь тоже молчит...»

Я показал его педагогу по литературе. Это была престарелая дама с ярко-красными губами и аристократическим пенсне. Она небрежно пробежала глазами и вернула мне, сказав что-то вроде:

– Литература завтра первым уроком. Не забудь сменную обувь.

Я даже немного обиделся...

Уже двадцать лет я не был маленьким. Пятнадцать – не играл в войнушки. И десять – не бравировал своим возрастом. Когда-то я учился в школе. Не любил книги. Не участвовал в самодеятельности...

В классе висело несколько продуктов самодеятельности, а именно: виниловая пластинка, облепленная семенами подсолнуха, две экспозиции бумажных цветов абстрактного смысла, человечек, слепленный из спичечных коробок...

Думаю, не менее четверти времени в этом классе я провёл в углу.

– Постой в углу, остынь немного, – говорила моя первая учительница – Галина Петровна, – а к доске по-ойдѣ-ёт...

Кроме нескольких драк и педсоветов, я также помню весьма колоритные записи в дневнике:

«Повредил Блондареву В. глаз ручкой».

Или:

«Пил Сосе (по-английски) на уроке!»

И совсем уж неприглядное от преподавательницы иностранного:

«Уважаемые брат и мама! В четверти будет 2! В году – тоже 2. Я настоятельно советую вам принять меры! Он ничего не учит и ничего не хочет...»

У меня было пять двоек в четверти, так что ещё одна двойка – вещь чуть ли не заурядная.

В школе высокая учительница по психологии – с красивыми и длинными ногами – она разрешила нам называть её просто – «Света». Это был, как она думала, педагогический приём. Одноклассники этим чертовски гордились – «Я сказал ей „Света“!»

Я называл её на «вы» и по имени-отчеству.

Победы я не чувствовал. Поражения – тоже.

Водитель довёз меня до дома. Денег с собой не было.

– погоди, сейчас домой схожу, тогда расплачусь, – говорю ему.

А он:

– А если не вернёшься?!

– Вернусь. Три минуты.

И он мне поверил. Всё же нельзя быть таким доверчивым. В России живёшь, тем более – в Ростове. Нетрезвые ноги вознесли меня на второй этаж, я взял 500 рублей, спустился и расплатился. Затем сел на лавочку перед подъездом – покурить. Да-а-а, думаю, да-а-а... Сколько стоит сегодня «слово чести»? А сколько просто – «слово»? Удивительно быстро время перемалывает все человеческие устои, рушит все постулаты, низвергает святыни. Ещё в девятнадцатом веке далеко не все умели читать и писать, а сегодня уже замызганная бабка вас в биотуалет не пускает.

– Пусти, – говорю, – ведьма! Рубля не хватает!

А сам думаю: «Уссусь щас!»

– Пошёл вон, придурок! Много вас таких! Иди отсюда!

– Аристотель, – говорю, – завещал нам: все вещи в государстве должны находиться в частных руках, но пользование ими должно быть общее!

– Придурок твой Артотель! И ты вместе с ним! А ну щас милицию позову!

– Тогда уж полицию зовите!

Я добежал до каких-то дворов и только там отдал должное природе. Непонятно. Опорожнение мочевого пузыря – естественная человеческая потребность. Это – не прихоть и тем более – не хулиганство. Так почему же нигде нет бесплатных туалетов (даже на вокзалах)? Скоро нас заставят платить за то, что мы чихаем, или за то, что у нас растут ногти. Ну да ладно! О небесные воительницы, о валькирии! Вы увлекли меня слишком рано, и не туда. Я просто ложусь спать.

И правда – поднимаюсь по лестнице, стаскиваю одежонку и падаю в мягкую кровать. Свою (хоть и арендованную) кровать. В гостях хорошо, а дома – лучше. Вот так всё просто.

Просыпаясь с жёсткого бодуна в гостях, вас, вдобавок ко всему, отягощает мысль о предстоящей поездке домой. А это очень-очень непросто, поверьте на слово! А дома – тут вам всё: кровать, подушка, уют. Наволочки, в конце концов! С нравственной точки зрения наволочки – превыше самой подушки или одеяла. Наволочки – они облагораживают спальное место, придают тонкую грациозность всему жилищу. Наволочки – лицо кровати и создают тёплую и добрую атмосферу. Посмотрите на постель, которую украшают наволочки, и любую другую. Вы тут же всё поймёте. Без наволочек я б даже спать не лёг. А как они приятно пахнут!.. Но утром, похмельным утром, самое важное – отсутствие людей и раздражающих факторов. Одиночество. О, одиночество – сокровище из сокровищ, божественная чаша Грааля! Если вы просыпаетесь, а вашу голову сдавливают мерзкие тиски похмельюги, вы отдадите всё, что имеете, всё, что можете пообещать, всё – за несколько минут штиля! Если заиграет будильник – вы расшибёте его о стену. Если постучат в дверь (а она будет железная) – это будет преступлением против всего сущего на земле! Если запоят птицы – вы сочтёте это гадским рёвом. Только одиночество вас и спасёт. От всего на свете. Только не вздумайте молиться или давать зарок больше не пить.

– Ну всё... Хватит с меня... Дошёл до ручки уже, хватит, бросаю! Больше – ни капли!

Во-первых, это пустая трата времени. Она не принесёт ничего, кроме мерзкого настроения, поноса и изжоги. Во-вторых, представьте, ну не будете ли вы смешны: сколько уже похмельных молитв и зарокот отпралялось в небо! Сколько плача и стенаний! Сколько язвительного сарказма и детского пессимизма слышали небеса? Довольно самобичевания!..

Уснул я моментально, говорят – как убитый. Но всё же – проснулся... Всё тянулось медленно. Казалось, меня погрузили в яичный белок. Я почему-то стал вспоминать свой сон. А я – чемпион по идиотским снам. В этот раз: помню, некий маленький мальчик, – помню – я должен звать его по какой-то причине Степан Сергеевич. И ещё – я должен приглядывать (именно «приглядывать», хоть я и понятия не имею, что это означает) за ним до тех пор, пока у него не появится второго имени, или же второй фамилии, или, может быть, приставки к имени-

фамилии. Подробностей не могу вспомнить, а в общих чертах – вот. После такого хочешь не хочешь, а почувствуешь себя нездоровым.

Затем я стал восстанавливать в памяти то, что привело меня к сегодняшнему утру. Попробую, но так – пунктиром. Выпил 150 в наливайке «Минутка», что на площади Чкалова. Раньше там можно было курить, но сейчас запретили. Ушёл оттуда. Добавил в магазине. Там ступеньки вниз идут – магазин, а дальше проходишь – и опять наливайка. Не ресторан, не бар, не пункт продажи спиртного, а просто – тошнيلовка. Алкаши там – советские. В пиджачках, брючках, фуражках. Старики. Заказывают – водку. И я там. Ну добавил. Выбрался на свет. Пойду, думаю, домой. Взял домой две бутылки портвейна 777. Употребил. И тут мне позвонили. Это Тёма – выдернул меня на футбол. И я поехал...

Несколько раз я ночевал у Тёмы дома. И обнаружил, что его бабушка совсем не оригинальна: как и все наши бабушки, она очень вкусно готовит, хлопчет по дому и тепло встречает гостей... Не верю я, что сегодняшние барышни когда-нибудь превратятся в таких бабушек. Нам досталось жить в пластмассовом, железном, силиконовом мире. В мире замороженных овощей и заварной вермишели. В мире рыночных отношений, страха, паники и пота. Цитадель поддельной морали, расчёта и невежества.

Ладно, знаю несколько парней с фанатской трибуны. Несколько ребят из фан-движа «Сельмаша». Это интересные личности, добродушные люди, впрочем. Не пьяное бритое быдло, не то, что вам рассказывало про них государство.

Ну да ладно! Я прибыл к стадиону. Меня там уже ожидали четыре знакомых фана. Фамилии не афиширую. Естественно. Мы дали по водке, двинулись на стадион. Кругом уйма народу, ментов – в избытке. Ещё бы. Сегодня «бомжи» приехали. На подступах к стадиону ещё больше полиции: на лошадях. Какие-то бабки торгуют варёной кукурузой. Воздушные шарики, шарфы, крики и звон быющих бутылок. Парк заполнен до отказа. Но все ведут себя спокойно. С Zenitom хорошие отношения, потому беспорядков ждать не стоит. На входе большие чёрные ворота и много полицаев. Собаки. Люди, кони, глаза... Меня обыскивает один малый в белых хирургических перчатках. Рядом с нами зелёный пластмассовый столик, а на нём – множество разных пачек сигарет, зажигалок и спичек. Из карманов прут всё, кроме мобильного. Полицай увлётся, ощупывая моё бедро с внутренней стороны.

– Ну всё, всё, хорош! Не мацай меня! – рявкнул я.

Он отвалил, только сначала измерил меня испепеляющим взглядом. Лопух! Сигареты в заднем кармане так и не нашёл! Я проник на сектор. Он был уже заполнен. В возбуждении люди сильно шумели. Кто-то с кем-то здоровался.

После второго пропущенного гола мы ушли. Я и ещё один паренёк. Мой приятель. Мы взяли водки, какого-то сока и копчёные куриные крылышки. Долго искали, где бы приземлиться. Повсюду были менты. Камнем кинь – попадёшь в мента. Выпили. Купли что-то ещё. Всё поплыло, закружилось и потянулось вверх. Появилось чувство безмятежности. Пахло цветущими тополями и мясом. Другой мир самоликвидировался, всё должно было служить нашей прихоти. Впереди нас шла девушка.

– Девушка, – крикнул я, – я к вам с водкой, крыльями и израненной душой!

Она ускорила шаг. Я не обиделся...

Помню, голоса были. Лица – мелькали. Бухла и сигарет – в избытке. Помню, женщины были. Я рассказывал им про свою неудавшуюся любовь: «Её звали Лена, и она была чиста и непорочна, как новорождённый ребёнок. Когда она улыбалась, вместе с ней смеялось всё небо, но если по какой-то причине она плакала, это отдавалось утренней росой на зелёной, пахнущей свежестью траве...»

А они все смеялись...

«Я не помню, как именно я её потерял... Может быть, это случилось оттого, что я слишком много пил и неоправданно мало работал, но однажды утром я проснулся...»

А они – смеялись... Женщины.

Женщины разговаривают очень странно. Одна моя знакомая говорила: «Он очень хороший человек, он тяжело болеет...»

Но у меня есть одно замечание – это вылезшая на 2/3 задница из джинсов, когда они сидят на лавочке. Нужно либо надевать вещи по размеру, либо не садиться.

Хотя мужчины тоже далеко не ушли. Однажды один мой знакомый явился домой в три часа утра, пьяный в стельку. Он сел за пианино и стал играть, при этом почему-то не включив свет в комнате. «Я не хотел никого разбудить», – объяснил он потом...

Затем – я уже веду диалог с двумя представителями закона. Я пьяный. Один на безлюдной дороге. Неподальёку от главной проходной завода «Ростсельмаш». Около двух ночи. Чокнутая луна поливает меня святым светом.

– Ты чё тут делаешь? – спросил один и направил на меня фонарик.

Чего это, думаю, он фонариком на меня светит? Пьяный, что ли? Я же в него не свечу!

– Домой, – говорю, – иду.

– Откуда?

– Так, с футбола же...

– А чё пьяный такой?!

– Так, проиграли же...

– Что в карманах?!

– Ключи, сигареты, телефон.

– Вытаскивай!

Чего, думаю, ему от меня понадобилось? Вытаскиваю. Он подходит и ощупывает карманы. И этот мацает! Он ничего боле не нашёл.

– Далеко живёшь?

– Нет, тут за углом, – соврал я.

– Ну, давай, дуй домой да проспись.

– Отлично! Ну я, пожалуй, пойду.

И стою посреди большой дороги и восклицаю «Аз есмь! АЗ есмь! АЗ ЕСМЬ!» И тут я расхохотался, расхохотался так, будто Зевс летит на божественной колеснице. Как будто Гера с младенцем на руках, на руках, испачканных кровью. Как будто...

Ладно, как я уже сказал, утро выдалось безрадостным. Но у меня есть один приём. Если вы не хотите похмеляться спиртным, опасаясь, как бы не наклюкаться уже к десяти или одиннадцати утра, то лучше вам ничего не найти. Смотрите: нужно найти объёмную тару. Обычно я просто отрезал горлышко у любой двух- или полторалитровой бутылки. Лёд нужно готовить с вечера. Так вот, выливаете в свою тару литр охлаждённой кока-колы (не пепси) и засыпаете всё это дело 10–15 кубиками льда. Пить маленькими глотками. Бодрит. Проверено.

Так я и поступил, а затем выполз на солнце. Делать нефиг, дай, думаю, съезжу на «Динамо», покопаюсь в старых книжках – может, найду чего... Шагаю по раскалённому асфальту, как римский прокуратор. В душе – пустота, в голове – гвоздь, да и вообще – «как у латыша – хуй да душа». Да и та – на средневекового рыцаря похожа. Звучит красиво, а на самом деле – пьянство и разврат. Или, может быть, как у лорда – хуй да морда. Да и та – морда.

А что насчёт души Достоевского? Я читал (чего я только не читал), что он частенько наведывался в дом терпимости, где потягивал несовершеннолетних шлюшек. Как знать...

Я заперся в наливайку, где сразу же поправился тремя бокалами холодного пива. Затонувшая Атлантида стала немного ближе. Моя походка становится увереннее, мои цели приобретают явственные контуры – я пытаюсь снять деньги с банковской карты.

Есть, доложу я вам, отдельная каста отвратительных людей – канцелярские служащие, небольшие работники банков, сотрудники соц-чего-то. С ними нестерпимо тяжело иметь дело и даже – говорить. Там, в отдельной комнате, сидела девушка, и у неё были уродливо-мелкие

черты лица. Говорила она отрывисто. Голос дребезжал. И даже писала – строго. Восклицательный знак в какой-то бумажке она поставила немного дальше, чем предполагал обычный, общепринятый интервал между буквами и символами. В её отдельную комнату зашёл старик. Она тут же завопила:

– Выйдите! Выйдите! Ждите в коридоре!

В комнате был кондиционер, а вне комнаты – жара и духота.

– Да я остыть немного, – сказал старик, – что я вас, съем, что ли?

– Я не могу работать в таких условиях, – вопила девица...

Я молча сунул ей карточку. Она ощупала меня мокрыми глазами.

– Денег снять, – сказал я, – три тысячи.

Она всё проделала и вернула карточку. Я вышел.

– Заходите, – сказал я деду.

На рынок «Динамо» я отправился на автобусе. И там случилось кое-что. Кое-что из ряда «специально не придумаешь». Короче: на одной из остановок зашёл цыганоподобный мужичок и принялся играть на баяне. Супротив меня сидел какой-то здоровенный, жирный мужик. Сидел себе, гад, и ничем таким не выделялся. И тут вдруг он подскочил, ломанулся к двери, когда мы уже тронулись, и принялся орать:

– Откот-т де-е! От-ткот-т-ти-и-и де-е-евре-е-е!

У него явно хромала дикция. Ну дикция и дикция, думаю я, пусть себе хромает на здоровье. Не мешает же никому его хромая дикция? Мне не мешает. Но вот когда цыганоподобный мужичок закончил играть и двинулся вдоль салона, дабы собрать мелочь, случился настоящий взрыв эмоций, натуральный психоз! Этот здоровяк бросился на цыганоподобного, они сцепились, стали бороться. Мелочь с пронизывающим звоном разлетелась по автобусу. Слышались маты. Наконец дверь открылась, и психованный здоровяк рванул из автобуса. Я видел, как он закуривает. Руки его тряслись, его всего трясло. Он орал на водилу:

– А-а-ад-д-д-д! А-а-ад-д-д-д по-о-одажный!

Его всё ещё трясло...

На «Динамо» я сразу же отправился к торговцам старыми книгами. Ну как – сразу же... Пропустил пару пива в пивной палатке. Атлантида дразнила меня всё более явственными контурами.

Торговцы стоят за книжным палатками, расположенными почти что у самой беговой дорожки. В нерабочее время их стеллажи покрыты полиэтиленом. Торговца, кажется, зовут Яша.

– Леопарди есть? – интересуюсь я.

– Леопарди?

– Да. Леопарди, Джакомо Леопарди.

– Се-ейча-ас посмо-о-отрим-м-м, – говорит.

Смотрит.

– Хороший поэт. Но нет. Сейчас нет.

И тогда я завалился в кабак. Заказал 100 грамм, два бутерброда, два бокала пива. Через четверть часа я уже любовался Атлантидой. Я к ней – или она ко мне? Ещё через полчаса я готов был дискутировать о характерах персонажей Достоевского. Ко мне подсел мужичок, бахнул залпом 200 грамм водки, поморщился и закурил. Ни фиги себе, думаю. Нужно валить отсюда...

Домой добрался на автобусе. Добавил где-то ещё. Взял пива, иду к подъезду.

Я в жизни встречал разные формы джентльменства, порядочности и такта. Поднявшись домой, я обнаружил там свою соседку, к которой пришёл кавалер. Они сидели в кухне. Своё субтильное тельце он поместил на табуретку, он сел на корточки. Я имею в виду – он сидел на корточках прямо на стуле. Килограммов 45 живого веса, синеющие, размытые партаки, неотъ-

емлемый чубчик контрастирует со стриженной головой... На столе лежал телефон, динамик дребезжал. Какой-то суровый парень пел хриплым голосом. То был шансон. Ухажёр говорил ей:

– Я тебя в жопу ебать буду! Своим хуем в твою жопу, а потом в рот... В жопу буду и в рот сразу...

А она крутилась по кухне, смущалась и хихикала. Она кокетничала. Если бы я не слышал, что говорит эта жертва блатной романтики, то мог бы подумать, что он делает ей красивые комплименты... Но я слышал.

Я вошёл в коридор, его недавно покрасили. Тяжёлый запах краски выталкивал меня из прихожей. Разулся и закурил. Он повернулся и посмотрел на меня. Я уставился на него. Он отвернулся и принялся за борщ. «Правильное решение», – отметил я и пошёл в свою комнату...

Утром хотел попить. В холодильнике было какое-то сидро. На этикетке было написано: «Химический состав...». Пить перехотелось. Вспомнилась одна деталь. Сосед по площадке сообщил мне вчера утром, что отравился водкой. Ночью, встретив меня, сказал:

– Подожди!

Вернулся с ополовиненной бутылкой водки и сказал:

– На, допьёшь!..

Почему мне вспомнилось именно это? Бредни какие-то... Зато сна своего я не вспомнил, ни капли не вспомнил!.. Спорим, мне снился какой-то бред?

Нормальное безумие обречённого

Я сидел неподалёку от дома культуры и играл в карты с какими-то ребятами. Погода стояла отменная, было тепло и солнечно. Мне кто-то позвонил.

– Да? – ответил я.

Оказалось, это была одна девушка, её звали Света, и я залипал на ней лет пять тому назад. Не скажу, что был влюблён, но уж очень она мне нравилась. Фигура у неё была... Мужики, поверьте, нет смысла описывать её фигуру. Она была сложена идеально. То, что англичане называют "perfect". Но дело не столько в её фигуре. Константин Левин был без ума от носика Кити, а кто-то западает на женские ноги, а ещё кто-то – на грудь или задницу. Что касается меня, это лицо. Глаза, форма бровей, губы, как она улыбается или пьёт кока-колу через трубочку, как пугается... Может быть, я извращенец, но первым делом меня зачаровывает лицо, а всё остальное – предикат, рождаемый мужиками в курилках.

То, что она сама позвонила, было очень странно. Мы общались раньше, но так – «привет-пока». Я не говорил ей, как она мне нравится, потому что ей нравился другой тип мужчин. Не просто «другой тип», а кардинально. Эти ребята вызывали у меня отвращение, плавно переходящее в тошноту и изжогу. Она всё больше улыбалась и смеялась в обществе двух коротко стриженных самцов, которые слушали на мобильном телефоне шансон, рубашку заправляли в джинсы, а джинсы с огромным ремнём-подделкой натягивали чуть не до шеи. Выглядели они одинаково, говорили, а точнее будет – не всегда успешно пытались формулировать свои мысли, – тоже одинаково. И мне было неприятно, что именно «это» ей нравится. Могла бы выбрать себе менее инфантильных болванов, думал я.

Иногда я ловил на себе её взгляды, когда случайно поворачивался или боковым зрением видел, как она смотрит. Это был тяжёлый взгляд исподлобья, она не улыбалась, а просто смотрела, думала, наверное, «что за идиот». Затем я просто стоял на выходе и курил, а она подходила, вешалась на шею одному из этих болванов и говорила: «Ох, Лёша, я так устала... Забери меня отсюда». У Лёши был собственный автомобиль.

И вот она позвонила, и я плохо расслышал, потому как игроки шумели, машины – опять же, дорога рядом, но мне послышалось что-то вроде:

– Денис, ты не хочешь сделать мне куннилингус?

Я понял, что ослышался, она никогда не говорила таких вещей и вообще воспитана была хорошо.

– Где мы сможем встретиться? – продолжала она.

– Да-да, конечно, – ответил я, решил, что на месте разберусь, что там и к чему.

Через четверть часа мы встретились в летнем кафе, я держался и не курил, потому как помнил: она этого не любит. За пять лет всякое могло произойти, но всё же лучше подождать, решил я.

Она не изменилась совсем, была так же красива, на высоких каблуках.

– Выпьешь?

– Да, соку.

Я заказал два сока.

– Ну что, пойдём погуляем? – спросил я.

Погода сопутствовала нам, и мы пошли. Она вела себя странно, как будто её звонок – вещь заурядная и вообще мы раз в неделю вот так вот встречаемся и гуляем. А я не хотел копаться в том, что сейчас происходит. Будь что будет.

– Как, – говорю, – у тебя дела?

– О, всё нормально... Решила прогуляться, увидела твой номер...

– Здорово, что увидела. Замуж-то не вышла ещё?

– Вышла.

– О-оу-у...

Мы шли и беседовали, как вдруг я увидел, как возле «Магнита» пробегают три маленьких динозаврика. Натуральных. Живых.

– Эй, смотри, смотри! Видела?! Что за чертовщина!

– Что?

– Видела?

– Нет, что?

– Чёрт! Динозавры! Маленькие! Вон там, за угол заскочили!

– Ты, я вижу, с алкоголем так и не завязал?

– Нет. Я однолюб. Но алкоголь тут ни при чём! Я их своими глазами видел!

Она засмеялась, прильнула ко мне, я почувствовал её запах и загорелся, как римский факел. Я знал, что могу всё испортить, но просто ничего не мог с собой поделать. Это всё равно что быть наполовину под дорожным катком, а потом сказать: «Ну я пошёл». Это невозможно, это было выше моих сил. Я приобнял её за бёдра и легко поцеловал. Мы взялись за руки и пошли дальше. Я достал сигареты, вынул одну, зажал в губах и полез за спичками. Она выхватила сигарету и бросила её на обочину.

– Курение тебя погубит, – сказала она.

– Ладно-ладно...

Мы решили зайти в магазин, купить газировки, шоколадных конфет, всякой мелочи. Возле магазина сидела дворняга. Проходя мимо, я отчётливо слышал, как она что-то бормочет на человеческом языке, вокруг было много народу, и никто и вида не подавал. Собака жаловалась на блох и яростно их выкусывала. На нашем, русском, языке.

– Слышишь?

– Да. Что именно?

– Собаку? Она говорит!

– Все животные разговаривают.

– Чёрт, да эта на человеческом языке говорит! Послушай!

Собака подняла на нас мокрый нос и замолчала.

– Пойдём в магазин, – сказала Света.

В магазине, уже на кассе, ко мне подошёл какой-то старый бомж и сказал:

– Сукин сын Луций Корнелий Сулла Счастливый.

– Чего?

– А ведь мой план тогда почти сработал! Разве я был неправ, когда говорил, что тиран скоро умрёт и штраф можно будет не платить? Эх, если бы... Мне не хватило-то пары часиков! Эх... Если бы...

– Я не знаю, старик.

Мы вышли на улицу. Поднялся ветер, и сильно потемнело, как будто был вечер.

– Эй, ну что за хрень? Такая погодка была!

– Хоть бы дождя не было, – ответила она.

– Не говори. Пойдём.

Я думал про того старика – что за чертовщина? Неужели это и есть любовь? Неужели, если человек влюбляется, ему обязательно сходить с ума?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.